

H. C. P. 630

H. C. P. 630

lit. P. 630

ОПЫТЪ

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Сочиненіе

Э. Профессора Императорскаго С. Петербургскаго
Университета Доктора философіи

А. НИКИТЕНКО.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

375 12

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	страи.
Предисловіе	v
Введеніе въ опытъ Исторіи Русской Литературы	1
ГЛАВА I. Идея и значеніе Исторіи Литературы . . .	2
ГЛАВА II. Методъ изученія Исторіи Литературы . . .	49
ГЛАВА III. Источники Исторіи Литературы	69
ГЛАВА IV. Идея и значеніе Исторіи Литературы Русской	96
ГЛАВА V. Раздѣленіе Исторіи Русской Литературы на періоды	143

3 1587

ОПЫТЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Сочиненіе

Э. Профессора Императорскаго С. Петербургскаго
Университета Доктора философіи

А. Никитенко.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1.

ВВЕДЕНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано во Французской типографіи. Троицкій переулокъ, 3.

1845.

Н. lit. P. 630

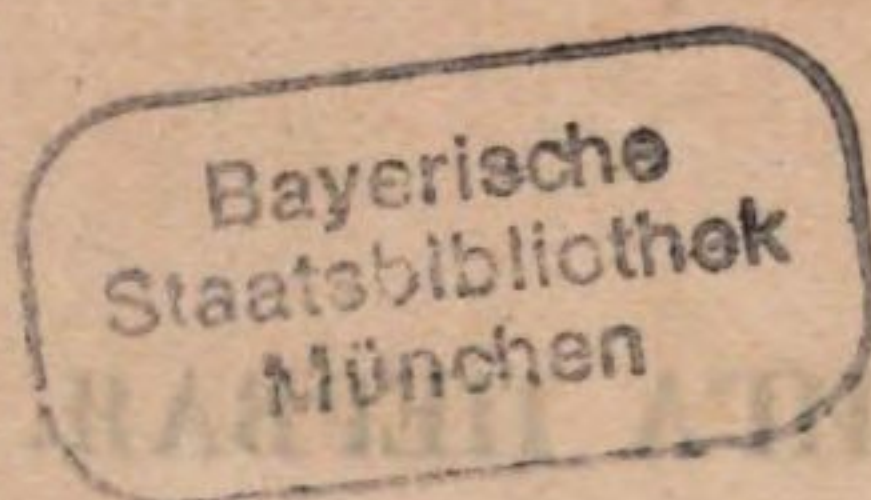
ОТДѢЛЪ

ИСТОРИЯ ИСКУССТВ

Историческое общество

Историческое общество

Историческое общество

ВРЕМЯ

1.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 27-го Апрѣля 1845 года.

Ценсоръ С. Кутора.

Ценсоръ И. Ивановскій.

FgT/77/6429

моемъ. Онъ добросовѣстенъ однако жъ въ идеѣ его, потому что основанъ на убѣжденіи, добросовѣстенъ въ исполненіи, потому что производимъ былъ и производится усердно и безъ скупости на усилія. Я считалъ бы впрочемъ непростительномъ грѣхомъ самолюбія не дѣлать того, что признаю полезнымъ, единственно изъ боязни подвергнуться осужденію. Ни кто не обязанъ быть гениемъ, но всякой на своемъ поприщѣ долженъ исполнить все, къ чему обязываютъ его удѣленныя ему природою способности, хотя бы это все было только сотою долею требуемой пользы.

Еще нѣсколько словъ для тѣхъ, съ мнѣніями которыхъ мои могутъ несогласоваться. Я не хотѣлъ никому противуборствовать, а излагалъ прямо и искренно то, что по довольно продолжительномъ изученіи и размышленіи, казалось мнѣ болѣе удовлетворительнымъ. Если сказанное мною было уже въ умѣ другихъ, тѣмъ лучше : согласіе утверждаетъ истину. Если оно будетъ поводомъ къ обнаруженію началъ или понятій противоположенныхъ, тѣмъ лучше : изъ борьбы мнѣній рождается истина. И не пора ли намъ наконецъ ученій не-

согласныхъ съ нашими идеями, или нашими видами въ области науки и искусства, не считать оскорбленіями лицъ и вещей? Мы зрѣемъ примѣтно — и нѣкоторымъ отстаткамъ литературнаго дѣтства да будетъ конецъ!

А. Н.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая публикѣ книга составляетъ часть довольно обширнаго труда, который безъ замедленія долженъ явиться на ея просвѣщенный судъ. Я хотѣлъ бы выдать его въ свѣтъ весь одновременно, не прибѣгая къ прерывистому и непріятному способу выпусковъ; но разныя обстоятельства ни для кого изъ читателей не любопытныя и важныя только для меня, рѣшительно противятся этой мѣрѣ. Впрочемъ и подобныя неудобства не безъ хорошихъ послѣдствій; трудъ мой, можетъ быть, чрезъ то сдѣлается достойнѣе вниманія тѣхъ, которые удостоятъ его своимъ вниманіемъ: я могу воспользо-ваться ихъ взглядами, ихъ замѣчаніями, иное

перемѣнить , другое исправить , пока еще есть время.

Многіе, можетъ быть, удивятся обширности введенія. Надѣюсь однако жъ, что понимающіе сущность дѣла, именно за это введеніе почтять меня своимъ одобреніемъ, если я успѣлъ хоть нѣсколько удовлетворительно рѣшить предложенныя въ немъ задачи и снисходительны будутъ къ его недостаткамъ, единственно изъ уваженія къ важности намѣренія. Извѣстно, что установленіе основныхъ идей во всякомъ кругу знанія , особенно же въ предметѣ столь многообъемлющемъ и многостороннемъ, какъ Литература, вездѣ дѣло не маловажное, у насъ же весьма трудное. — Многое должно обдумать и сообразить прежде , чѣмъ начнешь изучать русскую литературу — и она явленіе столь замѣчательное въ системѣ нашей и человѣческой жизни, что я боюсь, чтобъ книга приуготовляющая къ этому изученію, кромѣ другихъ несовершенствъ, не была еще слишкомъ краткою.

Упомянуть ли мнѣ о недостаткахъ моего труда? Ихъ много, какъ вообще во всякомъ человѣческомъ созданіи и очень много, какъ въ произведеніи

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ОПЫТЪ ОБОЗРѢНІЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Предъ нами поприще изученія великаго и обширнаго; вступая на него, постараемся предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми руководящими основными началами: они должны служить для ума испытующаго какъ бы обезпеченіемъ важности и успѣха его стремленій.

Что такое Исторія Литературы? въ чемъ состоитъ значеніе и важность этой отрасли Исторіи, какой способъ изложенія ей приличенъ, изъ какихъ источниковъ черпаетъ она свое содержаніе, какіе интересы сопрягаются для насъ и для всѣхъ мыслящихъ людей собственно съ Исторіей Литературы Русской? — вотъ вопросы, которые рѣшить мы считаемъ необходимымъ прежде, чѣмъ вступимъ въ міръ живыхъ явленій Русской мысли и слова. И такъ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИДЕЯ И ЗНАЧЕНІЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Постепенно и медленно переходимъ мы отъ случайнаго и шаткаго полузнанія къ лучшей методѣ знанія, предвозвѣщающей истину и отсюда уже къ самой истинѣ. Сколько времени въ изслѣдованіи жизни народовъ обращали вниманіе на одни внѣшнія явленія, не заботясь о томъ, что всему внѣшнему даетъ смыслъ, характеръ и цѣну. Для науки въ этомъ духѣ, по видимому, вовсе не существовали движеніе и направленіе идей народа, личные интересы его ума и сердца, — какъ будто бы чело-вѣкъ могъ что нибудь значить со всѣми высоко-мѣрными притязаніями своими на первенство въ природѣ, совсѣмъ что онъ предпринимаетъ и исполняетъ, если бы мысль не полагала своей царственной печати на его дѣянія. «Мы изображаемъ достопамятныя событія, говорили и теперь еще говорятъ многіе, завоеванія, подвиги героев, общественные перевороты, отношенія государствъ между собою и т. п.» — Но что же истинно важнаго и достопримѣчательнаго въ этой пестрой волнующейся смѣси лицъ и событій, какъ неубѣжденія, цѣли, страсти, внутреннія причины? а ихъ нѣтъ на поверхности вещей. Постарайтесь же проникнуть въ самую лабораторію, гдѣ дви-

жуются и работают сокровенныя силы — въ душу, въ нравственный бытъ народовъ. Тамъ, въ неясныхъ и не развитыхъ еще влеченіяхъ и потребностяхъ ума и сердца, въ прихотливой игрѣ фантазіи, въ глухихъ вопляхъ рождающагося слова готовится невидимыми процессами многое, что дѣлаетъ изображенія лѣтописей человѣческихъ столь осязательными, звучными и животрепещущими. И что безъ этихъ глубокихъ источниковъ можете вы сказать народамъ великаго и поучительнаго? Что Александръ македонскій однимъ ударомъ меча добилъ умиравшую среди восточнаго варварства персидскую монархію, что Цезарь палъ отъ кинжала убійцы вблизи народной трибуны, когда замышлялъ превратить ее въ тронъ всемірной державы? Только ли? Да, это важное средство для изощренія памяти школьниковъ. Но согласимся, что эти превознесенныя имена со градами дѣла, на коихъ они начертаны кровію народовъ, составляютъ великолѣпные монументы, достойные изумлять потомство. Назначьте имъ еще какую угодно политическую и нравственную цѣну: мы охотно даже повѣримъ, что изъ нихъ извлекаются спасительные уроки для назиданія людей, хотя рядъ безпрестанно повторяемыхъ ошибокъ и вопіющихъ неправдъ давно доказалъ уже какъ мало ими пользуются — ибо кто изъ

тѣхъ , кому наиболѣе нужны уроки , не считаетъ свой геній и свои причины исключеніемъ изъ дознанныхъ правилъ ?... Но пусть все будетъ такъ , какъ хочется приверженцамъ этой праздничной театральной исторіи , гдѣ духъ человѣческій остается за кулисами , а передъ глазами зрителей представленіе , какъ говорится , кипитъ жизнью и дѣйствіемъ , герои декламируютъ , блистая пурпуромъ и золотомъ и творятся чудеса великолѣпныхъ декорацій. Мы , въ свою очередь , позволимъ себѣ думать , что міръ ничего не видалъ бы безсмысленнѣе и печальнѣе исторіи человѣчества , если бы рядомъ съ созданіемъ , и разрушеніемъ царствъ не были начертаны на страницахъ ея цыфры Эвклида , афоризмъ Гиппократова , Сократова пропія , стихъ Гомера и много подобнаго , чего не даетъ могущество меча на земли , ни самое могущество золота.

XIX вѣку принадлежитъ идея лучшей методы въ изслѣдованіи и изученіи дѣлъ человѣческихъ. Вѣкъ этотъ понялъ , что исторія представляющая одну такъ называемую практическую сторону народнаго быта , представляетъ его весьма не полно. Человѣческая жизнь есть жизнь безконечнаго развитія ; всему , что сокрыто въ ея таинственномъ лонѣ , должно въ свою чреду возникнуть , раскрыться , стать новымъ звѣномъ въ цепи несметныхъ

силъ и вещей. Между тѣмъ, много ли намъ отъ деспотизма судьбы отстаеся на долго вещественнаго могущества? Увы! какъ мало изъ жизни души нашей мы въ состояніи перенести въ практическій міръ, гдѣ она царствуетъ или надъ причинами, или надъ отношеніями и средствами! И даже то, что успѣваемъ мы осуществить дѣяніями внѣшними, не есть ни самое глубокое, ни самое многозначительное въ нашей природѣ. Не должно ли было наконецъ убѣдиться, что кромѣ реляцій о выигранныхъ и проигранныхъ сраженіяхъ, кромѣ трактатовъ, статистическихъ и финансовыхъ таблицъ, могутъ быть еще пергаменты и акты, въ которыхъ народъ обнажаетъ предъ потомствомъ свою совѣсть, излагаетъ исповѣдь сокровеннѣйшихъ своихъ думъ и передаетъ ему не то, что онъ сдѣлалъ и испыталъ въ положительномъ мірѣ, а что носилъ и испыталъ въ своемъ сердцѣ, чего сдѣлать иногда не могъ, но что не менѣе всякихъ дѣлъ, свидѣтельствуешь о доблести его генія и ручается за будущность его и славу? XIX-й вѣкъ вполне ощутилъ практическую мощь идей и върваній и весьма справедливо призналъ всѣ формы, въ коихъ она проявляется, существенною и важною частію историческаго изученія человѣка.

И такъ не подлежитъ сомнѣнію, что народъ высказывая идею своего существованія, свою на-

родность вещественными формами жизни — государственным своим устройством, законодательством, правами, обычаями, искусством пластическим, носить въ груди своей еще много такого, что долженъ досказать другимъ образомъ. Говоримъ: долженъ, потому что народъ самъ себя понимаетъ и другіе познаютъ его столько, сколько онъ успѣлъ себя развить и выразить. Способъ этого самопроявленія наиболѣе зависящій отъ власти человѣка и наименѣе отъ власти судьбы, присущій ему во всѣхъ переменѣхъ обстоятельствъ отъ колыбели до могилы, есть слово. Матеріальность этой формы вырабатываясь въ человѣкѣ посредствомъ разныхъ органическихъ орудій, утончается, одухотворяется, если можно такъ выразиться, до того, что пріобрѣтаетъ способность осуществлять самыя сокровенныя, нѣжнѣйшія, не осязаемыя, самыя не осуществимыя повидимому движенія духа. Человѣкъ есть органъ мысли: это верховнѣйшее изъ его преимуществъ, долгъ его, злополучіе и благо. Но прежде, чѣмъ мысль, чрезъ этотъ органъ, войдетъ въ исторію, сдѣлается поступкомъ или созданіемъ преднамѣреннымъ, она должна создаться сама, должна удовлетворить закону своего происхожденія и бытія независимо ни отъ какого приложенія. Этотъ-то великій актъ самообразованія мысли въ насъ, въ нашемъ со-

знаніи, это низведеніе безконечнаго духовнаго элемента въ предѣлы пространства и времени, слѣдовательно въ предѣлы дѣйствительности, совершается нами единственно помощію слова — и мы чрезъ слово дѣлаемся людьми, т. е., существами мыслящими прежде, чѣмъ общество успѣетъ изъ насъ сдѣлать новыхъ особенныхъ людей, смотря по своимъ нуждамъ, или страстямъ. Съ нимъ и навсегда каждый изъ насъ остается человекомъ болѣе, чѣмъ со всѣми другими формами жизни и дѣятельности. Не удивительно, что слово служить мѣриломъ, коимъ обыкновенно опредѣляютъ степень нравственнаго значенія и образованности обществъ. Поколѣніе, не перенесшее въ него идей своихъ, умираетъ для міра страшною смертію — смертію духа, потому что кромѣ него, духъ не имѣетъ нигдѣ во вселенной убѣжища равнаго себѣ. Слѣдуя за народомъ по путямъ его исторіи, мы съ жадностію ищемъ слѣдовъ его слова, что бы по нимъ изучать направленіе, характеръ его ума, чувства и воли; въ нихъ видимъ мы преознаменованіе его будущности, славныхъ подвиговъ или безсмертнаго позора. Думалъ ли онъ про своей жребій, пѣлъ ли въ избыткѣ чувствъ свою скорбь и радости: жребій его уже свершился, скорби и радости уже перечувствованы имъ и тлѣютъ въ могилѣ вмѣстѣ съ сердцемъ; а складъ думы и

ритмъ его пѣсни остаются на вѣки полными смысла, глубокими и поучительными.

Но это только первые, не твердые шаги силы, удивительной по ея внутреннему образованію и дѣйствію, и столь скудѣльной по ея виѣшнимъ средствамъ. Мысль, возбужденная внутреннею необходимостію развитія постояннаго и безпредѣльнаго, какъ она сама, посредствомъ слова, доходитъ до обширныхъ и великихъ результатовъ. Напутствуя человѣка повсюду и сообщая его дѣятельности характеръ и смыслъ, она въ то же время расширяетъ собственное царство и устроиваетъ его по вѣчнымъ идеямъ праведнаго, изящнаго и истиннаго. Возникаютъ наука и литература съ безконечнымъ разнообразіемъ задачъ болѣе или менѣе чуждыхъ положительному ходу дѣлъ человѣческихъ, съ множествомъ слѣдствій неожиданныхъ, съ созданіями, коихъ необходимость заключается уже въ существованіи разума, а достоинство только въ томъ, что разумъ найдетъ въ нихъ сообразнымъ съ самымъ собою. Здѣсь-то устанавливаются, приходятъ въ ясность, бываютъ измѣняемы и совершенствуемы основныя начала нашихъ дѣйствій. На эти крайнія высоты человѣчества несутся снизу, изъ среды обществъ, какъ испаренія земли, нравственныя нужды, желанія надежды и страсти людей; тамъ перерабатываются онѣ въ вѣковыя

убѣжденія, вѣрованія, системы — и между тѣмъ, какъ эти системы, убѣжденія и вѣрованія, въ свою очередь, подобно атмосфернымъ феноменамъ, падаютъ на землю благодатною росой, или мчатся по ней молніями и бурями, тамъ же, съ тѣхъ же нравственныхъ высотъ разумъ человѣчества охватываетъ весь горизонтъ океана и земли, слѣдитъ мерцающія звѣзды въ ихъ стройныхъ тихихъ путяхъ и устремляетъ благоговѣнно-испытующее око къ вѣчному солнцу истины. Таково великое всеобъемлющее значеніе Науки и Литературы, двухъ прекраснѣйшихъ и утѣшительнѣйшихъ созданій мысли. Разными путями, онѣ стремятся къ одной цѣли — наклонять къ равновѣсію и гармоніи личные человѣческіе интересы со всеобщимъ порядкомъ міроустройства, чтобъ все свободное на землѣ проникалось духомъ законности и укрощенный, образумленный эгоизмъ нашелъ наконецъ обузданіе — въ собственномъ убѣжденіи.

Не смотря однакожъ ни на очевидность успѣховъ мыслительной дѣятельности, ни на требованія вѣка, многіе писатели не совсѣмъ еще чуждаются прежней методы и воззрѣній исторіи. Направленіе, характеръ мысли народной, выраженные въ словѣ, судьба науки и литературы у нихъ все еще составляютъ одно какое то дополненіе къ жизни внѣшней. Они кажется, и до сихъ поръ не до-

вольно выкли вѣ тѣсную органическую связь глубокихъ внутреннихъ явленій этого рода со внешними — ихъ не слѣдуетъ разлучать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о полнотѣ знанія. Такое положеніе науки о человѣкѣ дѣлаетъ необходимымъ специализированіе главнѣйшихъ элементовъ Исторіи — и мы припуждены изъ Исторіи Литературы составлять особую науку тогда, какъ настоящее ея мѣсто въ общей великой наукѣ, обнимающей жизнь и судьбу народа въ цѣлости и нераздѣльно.

Чтобъ опредѣлить съ точностію идею и значеніе Исторіи Литературы, надобно опредѣлить идею самой Литературы. Не смотря на популярность этого слова, вращаемаго въ наше время и такими устами, которыя назначены вовсе не для этого употребленія, оно не сдѣлалось яснѣе. Есть двѣ главныя точки зрѣнія, съ которыхъ обыкновенно рассматриваютъ Литературу. Нѣкоторые основываясь, безъ сомнѣнія, на буквальномъ смыслѣ наименованія, относятъ къ ней всѣ произведенія письменности. Слово, говорятъ они, есть способъ осуществленія идей совершенно самостоятельный и отличный отъ всѣхъ другихъ способовъ нашей природы. Оно со всѣми своими явленіями составляетъ отдѣльный міръ въ человѣчествѣ, подчиненный своимъ, особеннымъ законамъ. За то въ самыхъ разнообразныхъ и даже противополож-

ныхъ словесныхъ произведеніяхъ находится всегда нѣчто общее, родственное, однозначальное. Въ этомъ смыслѣ Литература дѣйствительно можетъ заключать въ себѣ все, преимущественно, или исключительно доступное слову, не теряя своего единства. Очевидно, что здѣсь въ произведеніяхъ ея не полагается ни какого различія между идеями науки, идеями отвлеченными и эстетическими. Такимъ образомъ Литература будетъ обнимать весь кругъ человѣческаго мышленія и творчества. Много есть истины въ этомъ понятіи, разумѣется, если смотрѣть на Литературу со стороны формы или языка. И почему не представлять ее въ такомъ видѣ? На этой степени она была бы представительницею всей внутренней жизни духа, какая только выражается въ словѣ. Но вотъ затрудненіе. Для кого было бы доступно изученіе ея въ такомъ обширномъ, или лучше сказать, безпредѣльномъ объемѣ? Кромѣ того, наблюдая внимательнѣе и глубже содержаніе ея и самыя видоизмѣненія языка, мы открываемъ разности столь существенныя и очевидныя, что сливать ихъ подъ предлогомъ формальнаго отдаленнаго единства, значило бы въ одно время уничтожать и умъ, который анализируетъ и природу, которая даетъ матеріалы для анализа. И неужели для насъ все равно читать Шекспирова Гамлета и канцелярскую бумагу,

потому только, что и там и здѣсь употребленъ языкъ и притомъ соблюдены правила грамматики? Не оспоримо, что въ океанѣ письменности, которую иные принимаютъ за Литературу, должна быть Литература настоящая въ собственномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ разсматривая произведенія слова у всѣхъ народовъ, болѣе или менѣе образованныхъ, мы находимъ много такихъ, которыхъ ни по предмету, ни по изложенію, нельзя отнести къ наукѣ, или къ какимъ нибудь предметамъ общежитія; все достоинство ихъ, видимому состоятъ, въ томъ, что они сильно возбуждаютъ душу, устремляя ее къ чему то высшему. Они рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ произведеній слова своимъ содержаніемъ, формою, самымъ языкомъ, также какъ и дѣйствіемъ на сердце. Ихъ называютъ *изящными*. Идея изящнаго есть одинъ изъ основныхъ, могущественнѣйшихъ элементовъ человѣческой природы. Обнаруживаясь сперва, какъ всѣ коренныя естественныя влеченія, непреодолимымъ, безотчетнымъ и сбивчивымъ стремленіемъ чувства и фантазіи къ идеаламъ, къ гармоніи, къ красотѣ, она пробуждаетъ новыя дѣятельныя силы въ человѣкѣ, возвышаетъ ихъ до степени свободного творчества и чрезъ него переходитъ въ жизнь, въ дѣйствительность. Здѣсь постепенно образуется наконецъ особенное самостоятельное

направленіе человѣческой дѣятельности, гдѣ идея изящнаго служитъ исключительнымъ предметомъ и законодательницею и откуда изливается на людей столько великихъ истинъ сердца, столько сладостнѣйшихъ ощущеній. Дѣятельность этого рода съ ея условіями и слѣдствіями, называютъ искусствомъ. Есть разные способы проявленія мысли въ искусствѣ; но самыя утонченныя и глубокія изъ идей, минуя формы неподвижныя и грубыя, спѣшатъ, какъ и все духовнѣйшее въ человѣкѣ, организовать себя въ эфирной плоти слова. Вотъ Литература въ новой сферѣ, въ сферѣ эстетической, гдѣ она есть уже не иное что, какъ родная и старшая сестра Пластики и Музыки.

Ограничиваясь этимъ направленіемъ, Литература становится опредѣленнѣе въ своемъ объемѣ и возвышеннѣе въ значеніи. И при всемъ томъ, мы жалѣли бы, если бъ она удовольствовалась этой степенью, почетною, но не соотвѣтственною ея природнымъ преимуществамъ. Литература дѣйствуетъ посредствомъ слова — а слову представлена власть великая, власть досозидать въ человѣкѣ человека. Только оно дѣлаетъ возможными процессъ и полное образованіе въ немъ мысли — этотъ окончательный шагъ въ Царство Божіе, это торжественное вступленіе въ первенствующій санъ между тварями вселенной. Одному слову мысль

ввѣряетъ всю, такъ сказать, душу свою, всѣ свои тайны; ничему нѣтъ къ ней доступа и отъ ней исхода безъ его посредничества. Прилично ли Литературѣ забывъ выгоды своего орудія, ограничиться однимъ какимъ нибудь направленіемъ мысли, хотя бы то даже была идея изящнаго? Въ мысли возникаютъ и рѣшатся и другія великія задачи, коихъ сущность состоитъ не въ идеѣ изящнаго, хотя онѣ и доступны ея благодатному наитію и озаренію. Должна ли Литература ихъ отвергнуть, потому только, что бывъ удостоена титла изящнаго искусства, она обязана уже исключительно имѣть дѣло съ идеалами, — она, наперсница разума, для которой должно быть дорого все разумное и доблестное, все, чѣмъ мысль возвеличиваетъ, назидаетъ, руководитъ человѣка? Кто разовьетъ эти задачи и въ тоже время оживитъ ихъ, какъ не Литература, соединяющая въ себѣ нераздѣльно силу анализа съ силою чувства? Другіе искусства не въ состояніи сдѣлать этого: они односторонниѣ по своимъ цѣлямъ, односторонниѣ по формамъ, и дѣйствіямъ.

Или Литературы вовсе нѣтъ, какъ факта опредѣленнаго и самостоятельнаго, или мы найдемъ ее только на той нравственной ступени, гдѣ человѣкъ сознаетъ свое призваніе и не-отразимую потребность сосредоточить всего себя въ мысли, ею

обнять всѣ разнообразныя влеченія и интересы своей природы и исторіи и ея же творческимъ художественнымъ могуществомъ, перенося себя въ слово, спасти свои человѣческія вѣрованія среди притязаній грубой матеріи и превратностей своей судьбы. Cogito, ergo sum сказалъ Декартъ, приступая къ новой методѣ ученыхъ изслѣдованій; но онъ сказалъ величайшую истину не методы, а человѣчества. Все въ насъ для мысли. Всѣ многообразныя отправленія нашей природы сходятся въ этомъ центрѣ — и только этотъ центръ есть человѣкъ. Не однѣ страсти, не однѣ грубыя влеченія матеріи властвуютъ надъ нами; мысль еще съ большимъ деспотизмомъ покоряетъ себѣ нашу волю и располагаетъ судьбою нашихъ дѣяній. Когда хотятъ ее представить не въ видѣ механизма особенныхъ отправленій души, а какъ силу царственную, живую, полную вѣчныхъ истинъ и повелительныхъ требованій, — силу Творцемъ переданную праху, чтобы прахъ сталъ человѣкомъ, то ее называютъ разумностію, разумомъ человѣчества. Впрочемъ такъ или иначе назовутъ ее, все равно; дѣло въ томъ, что по закону нравственной необходимости нашего духа, мы столько же принадлежимъ разуму и его неизбѣжнымъ влеченіемъ, какъ и онъ намъ и нашимъ нуждамъ. Отъ того въ цѣлой вселенной нѣтъ ничего скорбнѣе и мрачнѣе, какъ

гибель мысли тамъ, гдѣ мысли быть подобаетъ. Существо съ высоты ея божественнаго призванія самовольно уронившее себя въ грязь и тѣсноту ежедневной положительности, поработившее себя матеріальнымъ притязаніямъ жизни, не сознающее ни правъ, ни тревогъ, ни блаженства разумныхъ движеній, — такое существо бѣжало изъ царства людей, отреклось преступно отъ его гражданскихъ обязанностей; оно эмигрантъ челоѣчества, и его отчизна дебрь лѣсная, гдѣ витають дикіе звѣри.

Гибнуть поколѣнія съ ихъ страстями, бѣдствіями, благоденствіемъ и славою — вѣченъ ихъ разумъ въ безконечномъ развитіи своихъ идей, новыхъ вопросовъ о жизни, новыхъ истинъ, цѣлей и стремленій. Онъ не есть только учредитель порядка въ нашихъ дѣлахъ, не есть тотъ *благой* разумъ, который такъ удачно умѣетъ ловить въ свои сѣти всякую выгоду, какую несутъ мимо насъ волны событій. Служа челоѣку въ насущныхъ его нуждахъ, онъ требуетъ отъ него въ замѣнъ служенія себѣ; у него есть свои права вездѣ, гдѣ эгоизмъ нашъ хочетъ имѣть только свои. Въ наукѣ и искусствѣ его настоящее, прочное убѣжище; но и прежде, чѣмъ люди въ долгомъ странствованіи дойдутъ до этой обѣтованной земли, они встрѣчаютъ повсюду его священныя знаменія, лучи его небеснаго озаренія. Онъ есть тоже, что мысль че-

ловѣка о важнѣйшихъ отношеніяхъ его въ мірѣ, тайная и глубокая дума о самомъ себѣ. Могуственный голосъ разума слышенъ во всемъ, что возвышаетъ насъ надъ грубыми притязаніями плоти, надъ смышленостію благоразумнаго эгоизма, во всемъ, что дѣлаетъ насъ великими, мудрыми, что заставляетъ насъ плакать отъ чужихъ страданій и радоваться радостію всѣхъ. Еще мы не успѣли составить ни какой системы понятій о своемъ назначеніи, а уже предчувствуемъ его величіе; еще не успѣемъ произнести имени вселенной, а догадываемся, что нами управляютъ ея законы, что наше существованіе принадлежитъ столько же ей, сколько и ближайшимъ нашимъ отношеніямъ. Напрасно идею всеобщихъ истинъ или убѣжденій присвоиваютъ только умамъ высшимъ и чрезвычайнымъ. Безъ ней, безъ этой вѣчной правды разума, люди не въ состояніи были бы заключить даже самаго обыкновеннаго обязательства другъ съ другомъ и вкушать какія нибудь выгоды и удовольствія взаимнаго человѣческаго довѣрія. А законы положительные? возразятъ намъ. Но развѣ не служатъ они часто игрищемъ страстей для тѣхъ самыхъ, которые обязаны блюсти ихъ, какъ зѣницу своего ока? — Подъ разными видами идея эта является въ вѣрованіяхъ ума простаго, въ движеніяхъ сердца вовсе незнакомаго съ утонченною роскошью чув-

ствованій. Такъ одинаково ощущаютъ благотворную теплоту солнца и астрономъ, который измѣряетъ и вычисляетъ его пути и бѣдный поленщикъ, встрѣчающій появленіе его на своей рабочей нивѣ. Довольно быть человѣкомъ и мыслить, чтобы на самой отдаленной ступени жизни и общества стать въ соприкосновеніе съ высшимъ единствомъ, царствующимъ надъ нравственнымъ порядкомъ вещей. Насъ сближаютъ съ нимъ представители его — идеи всеобщія, правила и начала; подъ нихъ подводятся факты и случаи, которые по этому въ глазахъ нашихъ возникаютъ, исчезаютъ и опять возникаютъ всегда по одному и тому же непреложному образцу, мѣрилу и закону. Такъ событія и времена образуютъ одну непрерывную цѣпь исторіи, гдѣ каждое звѣно получаетъ значеніе и смыслъ отъ того, что называютъ духомъ общества и духомъ времени. Каждое наше изысканіе и наблюденіе, среди тревогъ безпокойнаго сомнѣнія, среди всѣхъ частныхъ противорѣчій и недоумѣній, спѣшитъ отыскать свою родную идею, свое общее правило и утвердиться подъ его охранительною сѣнію: иначе оно было бы отрывкомъ, лишеннымъ мѣста въ ряду истинъ и своего знамени, отрывкомъ скитальческимъ и ничтожнымъ, который сами же событія изомнутъ и раздавятъ, въ своемъ быстромъ бѣгѣ, какъ вещь не покро-

вительствуемую законами. Здѣсь являются и тѣ коренныя, первоначальныя идеи истиннаго, праведнаго и изящнаго, главные провозвѣстники нашей разумности, которыми измѣряются заслуга и достоинство нашихъ дѣяній. Только человѣку постепенно, но постоянно озаряемому и оживляемому высшими идеями разума, доступны и дороги всевозможные нравственные интересы — интересы государства, націи и наконецъ интересы всего человѣческаго рода. Но ни чѣмъ столько неукрѣпляется его благородный союзъ съ ними, какъ идеями истиннаго и изящнаго. Въ натурѣ этихъ великихъ идей есть что-то столь священное и августѣйшее, что предъ ними невольно преклоняется эгоизмъ страстей — и скорѣе прикосновеніемъ къ нимъ онъ самъ очистится, чѣмъ успѣетъ осквернить ихъ недоступную цѣломудренную чистоту. — Всѣ важнѣйшіе общественные вопросы рѣшаются болѣе или менѣе духомъ спеціальныхъ стремленій. Такъ и должно быть. Задача цѣлаго должна для своего осуществленія раздробиться на элементы; иначе на своей отвлеченной высотѣ, она осталась бы уединенною и не многимъ доступною. Изъ взаимнаго дѣйствія и противудѣйствія, изъ соревнованія и борьбы этихъ стихій рождается то общественное движеніе, которое составляетъ жизнь и источникъ развитія народовъ.

Не бойтесь за цѣлое : оно не распадется отъ безпокойнаго боренія частей ; надъ ними царствуетъ и ихъ скрѣпляетъ единство національнаго начала. Пока оно крѣпко въ сердцахъ, все обращается во благо, какъ въ здоровомъ тѣлѣ и острые сиѣди служатъ къ его укрѣпленію. Но вотъ кажется неоспоримая истина : само національное начало не можетъ быть отрывкомъ въ исторіи міра, и результатъ, котораго оно должно достигнуть подчиняя себѣ совокупное движеніе всѣхъ частныхъ силъ не можетъ быть другой, какъ возвышеніе въ людяхъ достоинствомъ національнымъ достоинства человѣческаго. Чѣмъ оно свѣжее и могущественнѣе , тѣмъ только блистательнѣе совершитъ оно свою великую миссію во имя человѣчества. Но велико и воздаяніе за то : народъ не будетъ уже варваромъ. Мы спасаемся отъ варварства дѣлаясь лучшими въ силахъ и качествахъ, принадлежащихъ нашей натурѣ, нашему роду, изъ котораго нѣкуда болѣе выдти , какъ или въ состояніе небожителей , или въ состояніе животнаго — и на землѣ нѣтъ для человѣка иного источника величія, славы и образованности, кромѣ всеобщаго союза идей. Чтобъ ни говорили защитники ложной народности , состоящей въ исключительномъ господствѣ началъ територіальныхъ, а нравственныя убѣжденія, безъ которыхъ общество людей есть стадо волковъ или барановъ , не суть

дѣло обычая, а дѣло высшихъ разумныхъ инстинктовъ одинакихъ для всѣхъ племенъ и поколѣній. Обычай служитъ имъ только формою и основаніемъ частныхъ различій, составляющихъ неисчерпаемое разнообразіе въ стройномъ единствѣ человѣческаго рода.

Отсутствіе истинъ этихъ было натуральнымъ только въ древнихъ обществахъ т. е. тѣхъ обществахъ, которые мы исторически — вѣрно сколько нибудь знаемъ, гдѣ жизнь волновалась и изнемогала среди раздѣльности и противуборства національных началъ, гдѣ послѣднія были столь сильны, что подавляли всякую свободно-разумную личность. Идея человѣчества еще не вошла тогда въ зенитъ своего пути падъ нравственнымъ міромъ — и слабыя лучи ея едва скользили на его поверхности дикой и невосдѣланной. Племена тѣснились около своихъ боговъ, около своихъ преданій; осматриваясь вокругъ себя со страхомъ и враждою въ сердцѣ, они ничего не видѣли, кромѣ чуждыхъ боговъ и чуждыхъ преданій. Все было частнымъ, особеннымъ — понятія, вѣрованія, нравы; общимъ было только одно — право меча. Всемирная гражданственность Рима насаждая повсюду свои нравы и учрежденія, не въ состояніи была удержать народы въ томъ возвышенномъ единствѣ, которое заключалось въ ея духѣ и образованіи. Во пер-

выхъ она дѣйствовала на нихъ политическимъ могуществомъ, которое превращая сначала людей въ рабовъ, говорило имъ послѣ: будьте людьми; оно могло произвести только внѣшній порядокъ, и то безпрестанною угрозою меча и новыхъ цепей. Во вторыхъ образованность Римлянъ, была въ свою очередь, также не болѣе, какъ случайнымъ выраженіемъ ихъ личности, ихъ счастливыхъ способностей; нравственное и умственное возвышеніе, до котораго они достигли, было плодомъ ихъ вѣры въ самихъ себя, а не въ вѣчныя и неизмѣнныя силы, не въ великую будущность человѣчества. Отъ того, какъ скоро національныя опоры, споспѣшествовавшія развитію ихъ духа, пали, пало и ихъ нравственное превосходство; ему нѣгдѣ было уже искать убѣжища и подкрѣпленія: для Рима ничего не было во вселенной, кромѣ Рима. Когда Тиверіи и Нероны осуждали гражданина на лишеніе воды и огня въ римскихъ областяхъ, это была только формула, этикетъ смертной казни: ибо гдѣ осужденный на землѣ былъ бы не въ римскихъ областяхъ? И такъ съ истощеніемъ всего, что давали Римлянамъ ихъ учрежденія, ихъ политическіе виды и успѣхи, имъ ничего не оставалось, кромѣ смерти; но должно было умереть въ мукахъ казни за пролитую кровь міра — и какъ не нашлось на землѣ палача, который бы осмѣ-

лплся исполнить надъ этимъ державнымъ народомъ приговоръ судьбы, то онъ самъ сдѣлался своимъ палачемъ. И эта ли образованность могла сдѣлаться всемірною, могла быть принята народами, какъ единственное начало ихъ движенія, какъ залогъ ихъ нравственныхъ успѣховъ? Греки были способнѣе очеловѣчивать варваровъ, если бы люди могли развиваться посредствомъ правилъ, наставленій, примѣровъ, а не посредствомъ возбужденія въ нихъ самихъ пребывающаго животворнаго начала разумности. Правда, Европа многимъ обязана наслѣдству, которое она получила въ Греко-римскомъ образованіи; но она не прежде имъ воспользовалась, какъ подъ вліяніемъ новой животворной силы, которая воспитывая ея свѣжія племена для великой будущности, научила ихъ извлекать добро изъ прошедшаго и избѣгать его злоупотребленій.

Таковъ былъ нѣкогда ходъ человѣческихъ вещей, такимъ онъ долженъ былъ явиться въ свое время, но такимъ уже никогда не будетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ единородный Сынъ Божій благоволилъ счесть достойнымъ своего величества жить и умереть человекомъ; съ тѣхъ поръ, какъ раскрылъ Онъ въ насъ дотолѣ невѣдомый намъ самимъ міръ духа, завѣщавъ дѣятельности нашей новую цѣль — безконечное развитіе и усовершенствованіе; какъ не-

зависимо отъ всякаго различія состояній, племень, кастъ и школъ, онъ каждому помышленію нашему, слову, вздоху и слезѣ далъ смыслъ и цѣну только изъ уваженія къ ихъ человѣческому происхожденію, — съ тѣхъ поръ всякая исключительная система дѣятельности стала нелѣпымъ анахронизмомъ — и не черпать изъ новаго источника жизни того, что всѣмъ дается одинаково какъ всеобщая истина и благо, значило бы обречь себя на нравственную смерть. Христіанство измѣнило родъ человѣческій; но благотворнѣйшее слѣдствіе этого измѣненія есть то, что нынѣ и великій гражданинъ не въ состояніи искупить пороковъ чело-вѣка.

Вотъ мы у самаго корня началъ, изъ которыхъ должно произойти опредѣленіе Литературы. Если народъ въ состояніи отдѣлать въ себѣ то, что принадлежитъ правамъ мысли всеобщей человѣческой — идеямъ изящнаго и истиннаго отъ того, что не относится къ нимъ, если онъ воздѣлываетъ и развиваетъ эту мысль въ своей жизни, въ своихъ понятіяхъ, въ своей исторіи и результаты этой дѣятельности выражаетъ наконецъ въ художественныхъ стройныхъ формахъ слова, онъ создаетъ, онъ имѣетъ Литературу. И такъ «Литература есть мысль человѣческая, возникающая у народа вмѣстѣ съ нимъ изъ его духа, жизни,

« историческихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, и по-
« средствомъ слова, выражающая свое народочело-
« вѣческое развитіе подъ совокупнымъ вліяніемъ
« верховныхъ и всеобщихъ идей истиннаго и изящ-
« наго.» Вотъ гдѣ совершается святое примиреніе
личности народа съ требованіями всеобщаго чело-
вѣческаго порядка вещей. Тогда какъ другими
способами дѣятельности — общественнымъ устрой-
ствомъ, нравами, обычаями и проч. онъ болѣе или
менѣе уклоняется отъ этого порядка и достигаетъ
своихъ исключительныхъ, домашнихъ, такъ ска-
зать, цѣлей; въ Литературѣ онъ выражаетъ свое
сознаніе о томъ, что свято, дорого и необходимо
всѣмъ людямъ, какъ существамъ, надѣленнымъ
однѣми и тѣми же нравственными нуждами и спо-
собами мыслить, чувствовать и выражать свои
мысли и чувствованія. Онъ не можетъ здѣсь, какъ
и нигдѣ, утратить своей національности, потому
что это значило бы утратить жизнь. И гдѣ же,
какъ не въ своихъ священныхъ вѣрованіяхъ и
преданіяхъ, какъ не въ памяти своей славы, какъ
не на могилахъ отцевъ своихъ, не въ сочувствіи
къ своей матери — природѣ, хотя бы она дышала
на него выюгами и говорила съ нимъ ропотомъ
волнъ, гдѣ же наконецъ, какъ не въ своихъ со-
временныхъ нуждахъ, скорбяхъ и упованіяхъ най-
детъ онъ вдохновеніе, содержаніе для своей

сердечной пѣсни, для важныхъ думъ и слово, дышущее убѣжденіемъ живой истины и сплою дѣль? — Но онъ также не можетъ подавить въ себѣ обще-человѣческихъ стремленій: это значило бы, что онъ хочетъ дать себѣ личность какую то чудовищную, звѣрскую, ниспровергающую нравственный порядокъ, оскорбляющую Бога-блюстителя его и людей, его строителей. Литературою народъ свидѣтельствуется о степени участія, принимаемаго имъ въ судьбахъ, цѣляхъ и успѣхахъ человѣчества, какъ лице отвѣтственное передъ міродержавнымъ Промысломъ, какъ дѣятель самобытный и въ тоже время вѣрный законамъ цѣлаго, какъ народъ — человѣкъ.

И такъ не въ особенномъ родѣ предметовъ, или содержанія заключается самостоятельность Литературы и отличіе ея отъ всѣхъ прочихъ произведеній письменности и изящныхъ искусствъ, но въ особенномъ направленіи человѣческаго духа, которое ввѣряется для примѣненія и выраженія благороднѣйшимъ успліямъ избраннаго народа. Это направленіе не состоитъ въ исключительномъ стремленіи ни къ истинѣ, ни къ изящному: оно есть актъ духа претворяющій одно въ другое — истину въ изящное и изящное въ истинное.

Литературу не должно смѣшивать съ наукою.

Не смотря на множество точек соприкосновенія между ними, онѣ существенно отличны одна отъ другой. Мы должны указать, по крайней мѣрѣ, на главныя черты этого различія, ибо основательное ученіе не терпитъ смѣшенія понятій. Въ Наукѣ и Литературѣ мысль облакаясь въ слово, является въ своей первостихійной чистотѣ, со всею свободою свойственною ея характеру и охраняемою способомъ самаго ея проявленія—вотъ почему Наука и Литература такъ дружны между собою. Истина есть одинаково верховная задача для Науки и для Литературы, потому что мысль только въ истинѣ находитъ удовлетвореніе своего бытія, слѣдовательно и цѣль его. Но Наука *ищетъ* истины, добываетъ ее; это служебное орудіе мысли, посредствомъ коего выполняются только требованія ея личныхъ интересовъ. Литература *стремится* къ истинѣ, какъ къ величайшему благу жизни; она, если можно такъ выразиться, любитъ въ ней не ее самую, а ея власть и способность благотворить людямъ возвышая въ нихъ въ одно время чувство своего достоинства и уваженіе къ законности. Наука дѣйствуя въ духѣ мысли, приноситъ ей и дань истины въ видѣ *мыслительномъ*, т. е., въ видѣ всеобщихъ отвлеченныхъ понятій, чуждыхъ непосредственнаго отношенія къ случаямъ и событіямъ эпохи, общества, поколѣній и т. п. Литература напротивъ

исключительно посвящаетъ себя этимъ отношеніямъ. Она хочетъ истинною одушевить, согрѣть все существо человѣческое; она пролагаетъ ей путь ко всѣмъ убѣжденіямъ, ко всѣмъ вѣрованіямъ и вводитъ ее прямо туда, гдѣ слагаются они — въ сердце людей. Здѣсь истина измѣняетъ свою наружность; она совлекается форменной одежды понятій и принимаетъ праздничный нарядъ образовъ то богатый и роскошный, то простой и граціозный. Охваченная отвсюду интересами жизни, переродившаяся вся въ соприкосновеніи съ самыми возвышенными и неотразимыми вопросами ея, она получаетъ такой характеръ, какого въ ней и не подозреваютъ усердные ревнители ея самобытности, ея строгаго и уединеннаго величія, — характеръ *красоты*, которая хочетъ правиться, трогать, плѣнять, любить и быть любимою. Изящное неразлучно съ Литературою, то какъ цѣль и содержаніе, то какъ условіе формы, звукъ и краски языка. Оно-то присутствуя въ мысли народа, даетъ ей особенное настроеніе, которое наконецъ должно разрѣшиться и новыми результатами и новыми формами слова. Для Науки истина есть предметъ наблюденій, опытовъ, упорныхъ, продолжительныхъ и многосложныхъ изысканій; она вооружена всѣми рабочими снарядами, съ помощію коихъ умъ проникаетъ въ самыя мрачныя и таинственныя глу-

бины вещей ; Литература не знаетъ механизма ученыхъ изслѣдованій ; трудъ ея есть трудъ созданія, а неразработки матеріаловъ ; для ней истина есть нѣчто данное и готовое, ожидающее предназначеннаго ей свыше преобразованія изъ идеи въ дѣйствительность. У Науки даже есть видимая цѣль въ безпредѣльной области истины и каждая отрасль ея обращаясь къ извѣстной сторонѣ природы и человѣка, находитъ въ ней и содержаніе опредѣленнаго объема и рода. Она знаетъ куда идетъ и что ожидаетъ ее на концѣ поприща. Литература не предвидитъ слѣдствія своихъ стремленій ; поприще ея неизмѣримѣе и теряется за видимымъ горизонтомъ вещей въ глубинѣ самыхъ таинственныхъ, неуловимыхъ влеченій жизни и души. Она, такъ сказать, ежеминутно возникаетъ изъ нравственныхъ и историческихъ потребностей народа, какъ бой сердца въ груди нашей, какъ ударъ пульса и дыханіе. Метода Науки такъ опредѣленна, что ее можно найти и изучить въ любой логикѣ ; но способы созданія въ Литературѣ или какой нибудь отрасли ея до того различны по характеру народовъ и эпохъ, что до сихъ поръ мы не успѣли изъяснить съ точностію и подвести подъ категоріи главнѣйшихъ и не многихъ изъ нихъ. Такъ и должно быть. Наука исключительно управляется

законами логической необходимости, потому что она представительница всякой необходимости на земли; Литература напротивъ есть выраженіе свободы духа — и отвлеченный законъ мысли является въ ней только какъ ограниченіе, а не какъ единственный способъ развитія и сочетанія предметовъ: жизнь свободы, кромѣ логическаго пути, раскидывается и мчится еще по многимъ другимъ путямъ, пролагаемымъ судьбою вещей и событій. Наука не знаетъ народа, она знаетъ одно человѣчество; Литература видитъ человѣческое не иначе, какъ отраженнымъ въ призмѣ народности. Въ ней все имѣетъ отношеніе къ народу, къ извѣстной эпохѣ его развитія и образованія; она не только мысль, но и вѣрованіе, и страсть, и судьба. Для Литературы только и важны тѣ задачи разума, которыя народомъ поняты, возчувствованы и рѣшены такъ, что человѣчество здѣсь является богоговѣющимъ уже предъ славою своего сына, геніальнаго народа, озарившаго себя и его блескомъ великихъ созданій. Ей принадлежитъ почетнѣйшее изъ преимуществъ человѣка, — творчество со всеми замыслами гордой воли, съ жизнедательнымъ огнемъ вселюбящаго сердца, когда человѣкъ смѣетъ сказать творенію: «я могу вдохнуть въ тебя новую жизнь!»

Литература служитъ проводникомъ Науки въ

жизнь и общество, какъ единая законная посредница между ними. Занятая вопросами о томъ, что въ вещахъ есть всеобщаго и необходимаго, Наука не въ состояніи низходить до подробностей ихъ развитія, до ихъ интересовъ мѣстныхъ и преходящихъ, а бывъ ограничена предѣлами человѣческаго ума, она по необходимости становится спеціальною. Не удивительно, что у ней есть свои тайны, своя непонятность для умовъ непризванныхъ и непосвященныхъ. Сколько бы ни говорили въ наше время о пользѣ и возможности популярнаго изложенія Науки, эта популярность всегда будетъ не иное что, какъ примѣненіе только извѣстныхъ истинъ къ нуждамъ жизни а то, чего примѣнить нельзя и что большею частію составляетъ глубину и сущность Науки — ея общіе виды и приемы ея анализа всегда будутъ требовать особеннаго для себя мѣста въ сферѣ разума, особенныхъ усилій и языка. Но отъ Литературы зависитъ болѣе или менѣе опародить Науку, сдѣлать ее, если не доступною всѣмъ и каждому, то для всѣхъ предметомъ сочувствія, предметомъ народной славы, силою привлекающею, а не отталкивающею. Правда, наука можетъ существовать и безъ Литературы; но это будетъ существованіе властелина безъ любви гражданъ, съ правомъ повелѣвать безъ умѣнья и возможности дѣлать ихъ

счастливыми. Ей будутъ воздавать приличныя почести, какъ въ вѣка схоластизма, но безъ ней будутъ умѣть обходиться вездѣ, гдѣ своекорыстіе и страсти захотятъ выполнить свои темныя замыслы. Ибо безъ Литературы, кто пролетъ въ Науку чувство человѣческихъ потребностей и эти потребности, поднявъ въ самомъ прахѣ на самомъ днѣ общества, возвыситъ до воззрѣній Науки? Не вѣдая ихъ, на своей царственной высотѣ, она ревностно станетъ заботиться о славѣ человѣческаго разума, объ истинѣ, о своемъ безсмертіи, о всемъ благородномъ и прекрасномъ, кромѣ того, что существенно благородно и прекрасно, кромѣ дѣланія людей благородными и прекрасными.

Такимъ-то образомъ Литература отдѣляясь отъ другихъ направленій нравственной нашей дѣятельности, переходя отъ одного измѣненія жизни къ другому, но въ то же время утверждаясь на непреложныхъ началахъ искусства, совершаетъ самобытное служеніе свое народамъ. Оно велико и благотворно. Что Наука производитъ медленно въ тѣсномъ кругу избранныхъ, то Литература съ помощію своихъ разнообразныхъ формъ и живаго, одушевленнаго, изящнаго слова быстро дѣлаетъ повсюднымъ. Величественная, строгая какъ исторія и эпопея, животрепещущая и осязательная какъ драма, поучительная и глубокая, какъ фило-

софія, страстная и увлекательная какъ рѣчь оратора, или легкая, игривая, улыбающаяся какъ пѣсня любви, она уважаетъ всѣ потребности, всѣ состоянія, всѣ возрасты, мѣняетъ образы, краски, звуки, говоритъ въ одно время уму, сердцу и воображенію. Въ ней заключается живое возбужденіе ко всѣмъ нравственнымъ подвигамъ, ко всему практически — доброму. Ибо что такое доброе въ поступкѣ, какъ не соединеніе истиннаго и изящнаго въ мысли, убѣжденіи и словѣ? Взмелеянное въ глубинѣ сердца ихъ совокупнымъ наитіемъ, оно увлекаетъ волю и переходитъ такимъ образомъ въ наши отношенія съ людьми и со всеобщимъ порядкомъ вещей. Можно ли ожидать благородныхъ, справедливыхъ, изящныхъ дѣлъ тамъ, гдѣ нѣтъ въ обращеніи идей имъ предшествующихъ и ихъ вызывающихъ, гдѣ права и интересы мысли не возбуждаютъ ни въ комъ сочувствія, гдѣ человѣкъ влачась рабски отъ насущной заботы одного дня къ заботѣ другаго, низпадаетъ до инстинкта животной смыслённости и самоохраненія, становится наконецъ въ лѣстницѣ существъ на одну ступень съ домостроительнымъ бобромъ, лисицею или волкомъ и гордится клоками шерсти, которые онъ успѣлъ добыть изъ шкуры подобнаго ему звѣря? — Упадокъ Литературнаго образованія тамъ, гдѣ оно уже появилось, равнодушіе къ задачамъ и судьбѣ

мысли, эстетическаго чувства и языка, всегда изобличаютъ разтѣнное состояніе общества; очевидно, что въ подобномъ состояніи оно склоняется къ варварству, ко всему матеріальному и низкому. Вы увидите, что грубое своекорыстіе, столь кровное и близкое человѣку, не находя противудѣйствія въ сознаніи высшихъ потребностей ума и сердца, все убѣжденія сосредоточить въ чувствѣ личной выгоды. Своимъ дикимъ, площаднымъ хохотомъ оно осмѣетъ все, чего нельзя положить въ ротъ или спрятать въ карманъ, сокрушитъ всякое влеченіе къ идеямъ общимъ, человѣческимъ, народнымъ, къ чести гражданина и чести сословія, охладитъ религіозное чувство возбудивъ на мѣсто любви страхъ, для успокоенія котораго всегда подастъ надежду и средства; оно водворитъ между людьми мелкую разчетливость наемниковъ во всемъ, сдѣлаетъ ихъ искательными и ползающими, заставитъ ихъ уважать счастливыхъ и ловкихъ негодяевъ и хвалиться плутовствомъ, какъ дарованіемъ, потрясетъ святость договора и основаніе всякой законности; оно не передаетъ наконецъ и Исторіи ничего, кромѣ срама эпохи, допустившей такую бѣдственную одичалость людей.

Какъ возразятъ намъ — неужели Литература такая важная сила въ обществѣ, что отъ упадка ея могутъ произойти подобныя слѣдствія? Да, по-

тому что ею опредѣляется степень живаго, теплаго участія принимаемаго обществомъ въ тѣхъ великихъ вопросахъ, отъ которыхъ зависитъ устройство нравственнаго порядка вещей. Не она рѣшитъ эти вопросы, но она ихъ предлагаетъ именемъ разума и жизни и обезпечиваетъ ихъ рѣшеніе. Успѣхи и направленіе Литературы неоспоримо суть мѣрило успѣховъ и направленія гражданственности, мѣрило разстоянія отдѣляющаго народъ отъ варварства! Она дѣятель историческій тѣмъ могущественнѣйшій, что сила ея есть сила мысли, дѣйствующей невидимо и глубоко. Таинственными путями сердца иногда медленнѣе, иногда быстрѣе, но всегда неотразимо вноситъ она въ нѣдра обществъ сѣмена будущихъ нравственныхъ преобразованій. Ея слухомъ гражданственность слышитъ свое прошедшее, ея душею ощущаетъ настоящее и ея сладкорѣчивыми устами передаетъ потомству въ вѣчное памятованіе и свои прекрасные успѣхи и гордость своего существованія — имена тѣхъ, кому обязана ими. И такъ можно ли сомнѣваться въ важности этой силы, несокрушимой какъ мысль человѣческая, правдивой какъ истина, обаятельной, чарующей, какъ красота и всеобъемлющей, какъ слово? —

Но невидимъ ли мы, могутъ сказать намъ еще, что народы достигшіе высокаго литературнаго

образованія, страдаютъ отъ пороковъ своихъ столько же, сколько поколѣнія невѣжественныя, или эти варварскія скопища людей звѣрообразныхъ, промчавшіеся съ шумомъ по лицу земли и въ упоеніи крови человѣческой и животныхъ страстей своихъ, не успѣвшіе даже замѣтить, что они варвары? Но что это доказываетъ? Сколько ни находили бы пороковъ въ обществахъ, сдѣлавшихъ изъ ума своего употребленіе, какое свойственно вѣчно-дѣятельной и развивающейся природѣ нашей, все же они неизмѣримо нравственнѣе и счастливѣе тѣхъ, кои осудили себя на умственную неподвижность. Суровая дикость нравовъ, отвращеніе къ наукѣ, къ искусству, ко всему мыслительному, привязанность къ грубымъ обычаямъ, которые должны же перемѣняться, потому что на свѣтѣ все перемѣняется, страсть къ смраду и нечистотѣ въ понятіяхъ, поступкахъ и образѣ жизни, свирѣпая роскошь дракъ, пытокъ и костровъ совсѣмъ не заслуживаютъ того уваженія, какое оказываютъ имъ защитники ложно понимаемой патріархальной простоты. Человѣкъ бываетъ гораздо хуже тогда, когда онъ не мыслитъ вовсе, нежели тогда, когда онъ ошибается мысля. И эта прелесть невѣжества, или *милая дикость*, какъ назвалъ ее одинъ изъ нашихъ поэтовъ, по которой такъ вздыхаютъ души тощія или завлеченныя въ софизмы желаніемъ ка-

заться глубокомысленными, въ существѣ своемъ не иное что, какъ безобразная животность, въ которой суждено человѣку начать свое бытіе, потому что онъ сынъ земли, но которую онъ обязанъ покорить разуму и преобразовать, потому что ему для этого именно и данъ разумъ. Нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ принимать за предлогъ униженія великихъ предметовъ то зло, какое къ нимъ при-виваютъ люди, какъ будто есть сила способная даровать намъ на земли совершенное блаженство, какъ будто совершенство въ чемъ бы то ни было не есть идеалъ, а что то возможное для человѣка и какъ будто во всякомъ случаѣ терпѣть и умирать не есть долгъ нашъ. Не словомъ *все*, а словами *больше* или *меньше* означается сумма, которую мы можемъ получить отъ нашихъ успѣховъ. Когда обществу удалось уничтожить одно изъ золъ, угнѣтавшихъ поколѣніе, которое ему предшествовало и пріобрѣсти новую истину — оно сдѣлало шагъ впередъ, не смотря на то, что въ самыхъ процессахъ его работы, можетъ быть, зародилось и новое зло и новое заблужденіе. Таковъ удѣлъ человѣка! Наконецъ не отъ насъ зависитъ форма нашего жребія. Человѣку суждено и бѣдствовать по человѣчески; не въ боляхъ тѣла, но въ мукахъ сердца искушается его мужество и самая лучшая слава, какою только можетъ гордиться человѣчество, есть слава

тѣхъ , которые умѣли страдать и умирать за истину.

Начинается Литература у каждаго народа съ собственныхъ его воззрѣній на вещи и тѣхъ возбужденій , какія находитъ онъ въ природѣ его окружающей и исторіи. Въ какой бы формѣ слова ни обнаруживались эти первые порывы его мысли и чувства , вы увидите въ нихъ , подъ покровомъ мѣстныхъ и національныхъ образовъ и красокъ , однѣ и тѣ же черты завѣтнѣйшихъ идей человечества , движенія одной и той же силы , которая стремится особеннымъ путемъ къ общей цѣли. Конечно дѣятельность мысли здѣсь носить на себѣ еще характеръ страдательный; она мчится вмѣстѣ съ волнами событій и не столько ихъ направляетъ и ими пользуется , сколько раздѣляетъ ихъ судьбу. Но прійдетъ пора , и она явитъ свое зиждительное могущество въ созданіяхъ размѣренныхъ , начатыхъ и конченныхъ по своимъ возвышеннымъ и мудрымъ видамъ , когда служа интересамъ жизни , она все въ нихъ запечатлѣетъ печатію собственной силы и достоинства. Произведенія слова пріймутъ тогда характеръ опредѣленности , внутренней и и внѣшней гармоніи; въ самой архитектурѣ ихъ отразится разумная власть началъ , а не игра слѣпаго случая и произвола — словомъ , Литература сдѣлается столько же выраженіемъ законовъ тво-

рящаго могущества, какъ и нашихъ нравственныхъ нуждъ, она сдѣлается Искусствомъ, котораго бытіе, самостоятельность и вліяніе на жизнь будутъ обезпечены торжественнымъ полномочіемъ самаго разума.

Многимъ ли народамъ, при распредѣленіи историческихъ службъ, выпадаетъ на долю подобный счастливый жребій? Провидѣніе предъизбираетъ одни изъ нихъ, и имъ удостоиваетъ ввѣрить главныя работы правственнаго міростроенія, другимъ повелѣваетъ быть только приготовителями матеріаловъ, или очищать мѣсто для новыхъ зодческихъ работъ, разрушая зданія ветхія, уже отжившія вѣкъ свой. И варвары имѣютъ свое призваніе въ планѣ исторіи; но народы, коимъ досталось въ удѣлъ дѣйствовать не руками только, а соображеніями чертежей, мыслию руководящею и словомъ повелительнымъ, суть благороднѣйшіе члены человѣчества, и въ семьѣ его, имъ по праву принадлежатъ первыя мѣста. То слѣпыя орудія, ремесленники черныхъ работъ; это дѣятели, на которыхъ возлагается почетнѣйшая доля труда на земли — развитіе разумнаго сознанія, воздѣланіе и обработка идей, распространеніе истины науки, искусства и доблестей сердца. Они то строятъ и государства великія, долговѣчныя, какъ крѣпкое тѣло, въ коемъ суждено обитать душѣ мощной и

дѣятельной. Посредствомъ его упругой организаціи, его сильныхъ мышцъ и нервовъ, они раздвигаютъ широко на земли царство духа; стройной гражданственностію оградивъ права послѣдняго, они открываютъ нравственнымъ силамъ поприще, какое прилично величеству ихъ и предназначенію. Все человѣческое должно развиться, процвѣсти и дать плодъ свой у этихъ избранныхъ, великихъ народовъ, твердынь, на коихъ почіетъ зданіе нравственнаго міра. Они соберутъ въ своей мысли, какъ въ фокусѣ, все сокровище своей внутренней жизни и это откровеніе вѣчнаго разума, чрезъ нихъ перешедшее въ исторію, запечатлѣтся съ несокрушимыхъ памятникахъ слова. Народы эти будутъ имѣть Литературу себя достойную, богатую идеями человѣчески-народными и вмѣстѣ стройную, художественную, изящную — и когда все, чѣмъ они дѣйствовали въ мірѣ, и мечъ, и законъ и богатство исчезнутъ въ могилѣ не оставивъ для будущаго ничего, кромѣ сомнительной памяти — вѣчно юныя созданія ихъ мысли и слова сдѣлаются для чуждыхъ поколѣній нераздѣльною частію ихъ существа, плотію ихъ плоти, костію ихъ костей. Подобно фениксу баснословному, они будутъ воскресать въ каждомъ новомъ покушеніи ума тѣхъ поколѣній, въ каждомъ біеніи сердца, какъ урокъ и образецъ, какъ убѣжденіе, какъ начало, которому слѣдуетъ

развиться и быть довершену. Идеи не умираютъ; онѣ наследуемы и продолжаемы въ безконечность, потому что духъ человѣческій не умираетъ. Въ его царствѣ нѣтъ между эпохами событій такихъ разторгающихъ рубежей, какъ въ области нравовъ, битвъ, законодательствъ, народностей. Единый, всецѣлый и нераздѣльный, онъ сѣетъ свое сѣмя на фантастической почвѣ Ведъ, Магабараты, Рамайяны, а собираетъ жатву въ тихомъ созерцательномъ пріютѣ германскаго мудреца. Неукротимый и пламенный Аравитянинъ несетъ въ Европу съ мечемъ и книгою своего закона мысль греческаго генія, а Европа ввѣривъ свои вдохновенныя умо-заключенія иглѣ стали, посылаетъ чрезъ океаны преобразующія идеи въ невѣдомыя страны.

Мы показали значеніе и заслуги Литературы, покажемъ и возможность уклоненія ея отъ праваго пути. Ежели она есть дѣятельная сила въ обществѣ, а не отвлеченная греза, ежели она возникаетъ, какъ необходимость изъ устройства человѣческаго ума и сердца, а не изъ произвола людей какъ роскошь и суетная прикраса жизни, то самымъ важнымъ порокомъ ея будетъ отсутствіе общенародности въ содержаніи и формахъ. Заключая себя въ тѣсныя предѣлы какого нибудь спеціального направленія, жертвуя мнимымъ художественнымъ интересамъ существенными нуждами общества, которое

даетъ ей и языкъ и поприще, она тѣмъ рѣшительно измѣняетъ своему назначенію. Вы ожидаете отъ ней вліянія и плода, а она въ эгоистическомъ своемъ одиночествѣ, въ спеціальной напыщенности прозябаетъ тунейднымъ пустоцвѣтомъ — не значитъ ли это оставлять порядокъ вещей безъ дѣятеля, котораго содѣйствіе есть одно изъ условій его существованія и развитія? Литература можетъ быть очень правильною, очень художественною и въ тоже время безжизненною и непривлекательною, то есть, чуждою интересамъ сердца человѣческаго, интересамъ вѣка, въ которыхъ зрѣютъ, мужаются, дѣлаются существенными и историческими великія и всеобщія истины. Педантизмъ выдумываетъ небывалые вопросы науки и тратитъ на нихъ огромный запасъ мелочныхъ изысканій, которыя тѣмъ кажутся глубокомысленнѣе умамъ ограниченнымъ, чѣмъ менѣе имъ понятны и чѣмъ менѣе годятся на какое нибудь дѣло. Другой педантизмъ сплетаетъ изъ голыхъ понятій теоріи, думая неизъяснять ими, а предварять производительную силу мысли, предписывать ей законы, какъ будто предписаніями можно вынудить у мысли результаты, которыхъ основаніе не заключается въ ней самой — третій заботится исключительно о формѣ, объ отдѣлкѣ произведенія не думая о достоинствѣ содержанія

и забывая, что покушаться на красоту формы, притщеть идей, значило бы тоже, что по изящному чертежу строить зданіе изъ песку и грязи. Всѣ они тѣмъ вреднѣе, что въ этомъ самоугодниществѣ, дѣйствуютъ именемъ науки, какъ будто наука не нуждается въ пособіяхъ общенародной освѣжающей мысли и какъ будто она можетъ имѣть въ виду только фумулы и слова, а не вещи и людей.

Другой порокъ Литературы, противоположный первому, есть отчужденіе ея отъ Науки. Если мы предыдущими объясненіями старались опредѣлить съ точностію границы между ними, то совсѣмъ неимѣли намѣренія показать, чтобы первая могла успешно развиваться безъ послѣдней. Мы напротивъ убѣждены, что одно только строгое ученое образованіе способно возвести Литературу на степень истинно классическаго достоинства. Идеи, которыми Литература обогащаетъ содержаніе своихъ изданій, притекаютъ къ ней съ волнами событій; но онѣ требуютъ испытанія и опоры того высшаго разума, который опыты настоящаго приводитъ въ связь съ опытами вѣковъ и близкое къ намъ уполномочиваетъ и укрѣпляетъ союзомъ съ первоначальнымъ и основнымъ. Въ Наукѣ заключается знаніе, внѣ ея только матеріалы знанія. Если Литература должна пробуждать въ сердцахъ симпатическое сочувствіе къ истинѣ, ежели то,

что есть великаго въ идеѣ и разумѣ, она должна дѣлать великимъ въ жизни, то какъ же исполнить она эту священную миссію, возложенную на нее во имя разумнаго и живаго человѣчества, не бывъ облечена во всеоружіе знанія? Ложью и выдумками не убѣждаютъ, а только обманываютъ; высокими идеями безъ ясныхъ понятій о вещахъ забавляютъ умы тощіе, больные модою и самолюбіемъ; грезами и поэтическими мечтами прельщаются только женщины до свадьбы и служащіе юноши до первой взятки; общественныя сплетни и обрывки знанія, подбираемые на типистомъ и мутномъ днѣ современности, годятся только для газетъ — что жъ можетъ Литература во всемъ этомъ найти достойнаго себя и общества, которому она предназначена служить не забавою, а наставникомъ, провозвѣстникомъ лучшихъ стремленій и вѣрованій, судьей его сердца и ума и наконецъ его славою? Не прискорбно ли смотрѣть на Дарованіе, когда попавъ на ложный путь, въ слѣпомъ самонадѣяніи, или жалкой лѣности, оно торопливо бросается на литературное поприще прежде, чѣмъ Наука благословитъ его на этотъ подвигъ истины красоты и чести и когда чуждое ея строгихъ и важныхъ внушеній, оно усиливается отъ мнимаго своего вдохновенія вынудить то, что такъ легко, такъ просто и свободно истекаетъ изъ глубины

стройнаго и основательнаго знанія? Производительныя силы идутъ впередъ рѣшительнѣе и быстрѣе силы организующей и распорядительной; но увлекая за собою въ жизнь сію послѣднюю, онѣ въ свою очередь должны, до нѣкоторой степени, покоряться ея притяженію. Пусть односторонній ученый спеціализмъ занимается изысканными работами въ своей абстрактивной области; не развлекаемый шумомъ и тревоженіемъ общества, коего интересы ему мало доступны, онъ возлагаетъ на себя бремя, котораго умы тревожимые жаждою творчества или открытій, не могли бы понести. Здравомыслящая, духомъ терпимости управляемая Литература не будетъ чуждаться даже и его: можетъ быть ей удастся привить ему свои живые соки, одушевить его своимъ жизненнымъ дыханіемъ и важное сначала для школы, сдѣлать важнымъ для людей. —

Между многими благами образованности, есть одно самое драгоцѣнное, которымъ наслаждаются народы мыслящіе; оно состоитъ въ томъ, что возвышенныя идеи науки излагаются у нихъ съ такою общепонятностію и простотою, какъ будто бы надъ ними трудилась вся лучшая часть общества, а не одинъ уединенный членъ, чиновникъ, такъ сказать, палаты просвѣщенія — а произведенія Литературы общенародной отличаются такою

строкою, классическою обработкою мысли и языка, какъ будто они вылились изъ подъ пера самого отчетливаго, глубокаго, самаго спеціальнаго мыслителя. Это значитъ, что дѣйствительность воспользовалось, сколько возможно, идеями разума; она приняла ихъ въ свою кровь, въ свое сердце, оразумнилась, очеловѣчилась; съ другой стороны чувствуешь, что разумъ уважаетъ права, нужды и даже невинныя прихоти дѣйствительности, что онъ не запирается въ свои подоблачные чертоги, чтобы своими отвлеченными, строгими догматами устрашать оттуда умы человѣческіе, а не править ими. Незъяснимо отрадно видѣть, какъ жизнь вообще столь шаткая и грустная, доверчиво простираетъ объятія свои къ силѣ, гдѣ сосредоточивается и хранится неизбѣжный законъ и непреложный порядокъ, и какъ эта сила привѣтною улыбкою милости озаряетъ вокругъ себя суровый мракъ могущества безпредѣльнаго и неодолимаго. Не удивительно, что въ обществахъ достигшихъ такого умственнаго состоянія, самый строгій отвлеченный трудъ встрѣчается всѣми съ участіемъ какъ народное достояніе и часть народной славы, а игривую пѣсню важный мыслитель считаетъ дѣломъ и заслугою, потому что и пѣсня принадлежитъ человѣческому сердцу.

Мы довольно говорили о значеніи Литературы,

чтобы прояснить идею и значеніе ея исторіи. Если въ судьбахъ народа, особенно народа великаго, судьба его мысли есть одно изъ любопытнѣйшихъ и назидательнѣйшихъ явленій, то изображеніе ея развитія и созданій, которыя онъ завѣщаетъ потомству въ своемъ словѣ, безъ сомнѣнія само по себѣ уже составляетъ ученіе столь же необходимое, какъ и высокое. Хотите ли знать душу народа въ самыхъ глубокихъ ея истинахъ? здѣсь надобно искать ее. Но у души есть свои событія, которыя также подчинены законамъ постепеннаго развитія, отношеній и причинъ, какъ и все живое — словомъ они раскрываются въ формахъ исторіи. Здѣсь или надобно знать все, что было, или отказаться отъ знанія того, что есть. У народа есть какая то общность, какая то непрерывность и послѣдовательность основныхъ его убѣжденій, понятій и чувствъ; несмотря на всѣ перевороты и потрясенія общественные, въ немъ сохраняется единство умственное и нравственное, какъ главная опора его самобытности. Исторія Литературы должна быть выраженіемъ этого единства — иначе, гдѣ же народъ найдетъ средства самопознанія полнаго, основнаго, внутреннѣйшаго, если можно такъ выразиться? — Наконецъ нужно ли, чтобъ Исторія Литературы заключила въ себѣ еще интересы особенные, по-

бочные? Они есть. Чего ищетъ прагматизмъ общей исторіи, роясь въ прахѣ дѣяній? Смысла ихъ. Вооруженный всѣми пособіями государственнаго ума, всѣмъ глубокомысліемъ и проницательностію критики, онъ вскрываетъ покровъ за покровомъ съ тайны событій; но скоро онъ начинаетъ чувствовать, что нити ихъ уходятъ все далѣе и далѣе въ глубину человѣческой души, становятся тонѣе и неуловимѣе и наконецъ совершенно ускользаютъ отъ грубыхъ орудій, коими онъ работаетъ надъ вещественною стороною исторіи. Здѣсь время начать свои операціи прагматизму мысли и чувства— и такимъ образомъ Исторія Литературы становится необходимымъ пособіемъ исторіи общей.

Наконецъ вотъ истина неоспоримая, по крайней мѣрѣ, для народовъ великихъ: они мыслятъ и имѣютъ для мысли языкъ, слѣдовательно должны имѣть исторію своей мысли и языка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МЕТОДЪ ИЗУЧЕНІЯ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Отъ различныхъ взглядовъ на Литературу и Исторію ея зависитъ и обработка послѣдней. Если мы на Литературу смотримъ только какъ на факты народнаго слова, не сопрягая съ ней никакой идеи высшаго и особеннаго направленія мысли, не предполагая въ ней рѣшенія задачъ важныхъ для судьбы народа и человѣчества, то ея исторія будетъ сборникомъ случаевъ безъ внутренняго значенія, безъ взаимной связи и необходимости. Такая исторія не разсуждаетъ о томъ, что сказать и какъ сказать; предположивъ себѣ одну цѣль — факты, она отправляется на обширное поле письменности безъ всякой руководящей мысли, срѣзываетъ, какъ наемный жнецъ, все, что попадется подъ ея серпъ, вяжетъ снопы и кидаетъ ихъ въ кучу, не заботясь, много ли

изъ всего этого выйdetъ чистой пшеницы и какой доходъ получить владѣлецъ. Она трудится не для себя, а для хозяина, которому будетъ еще много труда разобрать сжатое, обмолотить, и проч. Научиться изъ этой фактической исторіи собственно нельзя ничему, какъ нельзя насытиться набранными и разложенными въ порядкѣ сырыми травами. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему можетъ послужить знаніе, что у насъ тогда-то написаны такія-то сочиненія, что мы имѣли писателей отличившихся въ такихъ-то родахъ Литературы и т. п., если во всемъ этомъ мы не видимъ, какое значеніе имѣли подобныя произведенія и лица въ умственной жизни народа, и какую общую мысль они выражали? Истина факта есть одинъ остовъ истины — душу и жизнь даетъ ей истина идеи. За то эта понижающая долу исторія справедливо хвалится, что безъ ней всѣ высокія воззрѣнія ничто. Она *собираетъ*, предоставляя другимъ пользоваться собраннымъ — въ томъ именно состоитъ ея заслуга. Что она не мыслить и не имѣетъ даже желанія мыслить, это-то и дѣлаетъ ей особенную честь: такое аристократическое занятіе только испортило бы ея черныя, но необходимыя работы. Однакожъ она дѣйствительно можетъ съ гордостію сказать, что очень хорошо знаетъ тайны всѣхъ высшихъ исторій — и когда

эти блистательныя распорядительницы фактовъ, слишкомъ неосторожно начнутъ употреблять ихъ, она, подобно знаменитому камердинеру Суворова, тотчасъ можетъ подойти къ нимъ и напомнить смѣло о благоразумной умѣренности. Такъ то всякая служебная сила имѣетъ свое важное участіе въ судьбѣ самыхъ превознесенныхъ дѣлъ — и не одинъ забытый слуга великаго человѣка имѣлъ бы право сказать, пусть только исторія позволить ему говорить: «міръ не узналъ бы такой то высокой истины, если бы я забылъ поставить въ пору чернилицу на письменный столъ моего господина.»

Но всякому свое. Гдѣ фактическая исторія оканчиваетъ свой труженическій подвигъ, тамъ должна начать свое дѣло другая, менѣе озабоченная *собираніемъ*, не забрызганная грязью, которой такъ много на нивѣ человѣческихъ дѣлъ, имѣющая и время, и способы и способности обдумывать сдѣланное и изучать его смыслъ. На этомъ то благородномъ поприщѣ является *критико-эстетическая исторія Литературы*, рассматривающая ея произведенія исключительно съ художественной точки зрѣнія. Съ ней неразлучна извѣстная теорія литературы, коей общія идеи должны служить основаніемъ, критеріумомъ для оцѣнки и опредѣленія эстетическаго достоинства произведеній. И какъ нельзя понять характера и духа послѣднихъ,

не представляя себѣ всѣхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на ихъ образованіе, то критико-эстетическая исторія изучаетъ также духъ, нравы народа, политическое состояніе, жизнь, личный характеръ писателей и проч. въ такой мѣрѣ, въ какой дѣйствовали они на образованіе народнаго вкуса и на составъ и развитіе разныхъ литературныхъ школъ. Этотъ способъ изученія Исторіи Литературы конечно выше простаго фактическаго; въ немъ представляется уже стройное цѣлое, ведущее къ опредѣленному результату, къ познанію того, что народъ успѣлъ создать въ одной изъ важнѣйшихъ областей человѣческой дѣятельности. Кромѣ того Исторія, изложенная по этому способу, при руководствѣ здравыхъ теоретическихъ началъ, проясняетъ красоты великихъ литературныхъ созданій, дѣлаетъ ихъ какъ бы собственностію наблюдателя и любителя и служитъ орудіемъ къ изощренію и образованію общественнаго вкуса. Но важный ея недостатокъ, есть односторонность; она ищетъ въ Литературѣ только одного интереса и одной заслуги — интереса и заслугъ художественныхъ, а мы видѣли уже, что Литература рѣшаетъ и другіе важные вопросы. Изложенная въ этомъ духѣ, она конечно необходима для художника, для таланта, призваннаго къ литературной дѣятельности; но общество имѣетъ

нужду въ Исторіи Литературы, болѣе соотвѣтственной разнообразнымъ стремленіямъ его. Оно хочетъ изъяснить, понять себя въ явленіяхъ и представителяхъ своей умственной силы и судьбы, — и исторія Литературы, по требованію столь законному, должна явиться въ новомъ характерѣ, въ характерѣ философскаго прагматизма его мысли и чувства. Какой необъятный трудъ предстоитъ ей! Со страхомъ и трепетомъ прикасается она къ глубочайшей святынѣ человѣчества, — къ тайнамъ его величія, его назначенія, къ источнику всяческихъ дѣяній, откуда текутъ неизсякаемыя волны нравственныхъ событій. Она водружаетъ свои скрижали тамъ, гдѣ человѣчество искони борется и изнемогаетъ, возстаетъ и опять падаетъ, — у самаго корня древа познанія добра и зла. Здѣсь все тайна и безпредѣльность. Вы окружены невидимыми силами, которыя должны изучать и живописать; вы повсюду объяты ихъ вліяніями, коихъ могущество охватываетъ вѣка и поколѣнія, между тѣмъ какъ сѣмя его брошено нечаянно въ темномъ углу какой нибудь незнаемой пропаганды или школы. Могущество это чувствуютъ, его благословляютъ или клянутъ; оно вызвало рядъ дѣяній. Хотятъ заглянуть въ лице ему, столь побѣдоносно властвующему: его никто не увидитъ, лица этого нѣтъ; это что-то неосязаемѣе, чѣмъ паръ вашего

дыханія, чѣмъ робкій вздохъ дѣвственнаго сердца, когда оно въ первый разъ чувствуетъ жажду любить; это идея безъ вещества, безъ имени, но полная слезъ, восторговъ, мукъ, блаженства и славы. И ее то неуловимую надобно уловить, ее невещественную надобно отмѣтить на скрижали рѣзкими чертами, и она не одна — и каждая дѣйствуетъ различно. Та ищетъ сердца, другая хочетъ прежде отъ ума принять доспѣхи убѣжденія. Этого недовольно. Человѣчество сѣетъ мысль повсюду; но плодъ ея, въ свою очередь, зависитъ отъ почвы, коей ввѣряется. А эта почва? она очень сложна; она удобрена потомъ, кровію и слезами людей. Это страсти, правыхъ; это прозябающіе, сохнушіе, гніющіе и вновь разцвѣтающіе побѣги общественныхъ и государственныхъ учрежденій — это наконецъ почва въ буквальномъ значеніи, т. е., глина, песокъ, грязь, на которыхъ человѣкъ живетъ, изъ которыхъ добываетъ свою снѣдь и куда сложить кости свои. Къ этому прибавьте то, чѣмъ радуютъ или чѣмъ омрачаютъ его лучезарное и тусклое солнце, воздухъ съ ароматами цвѣтовъ, со своими выюгами и ураганами, — все, что течетъ, врывается въ наши жилы, въ нашу кровь, въ нашъ мозгъ и что накладываетъ на характеръ и душу неизгладимую печать. Вотъ что предстоитъ обнять, раскрыть,

изобразить Исторію Литературы, и все это для того, чтобъ представить въ одной цѣлой картинѣ изысканную мечту, носящуюся въ звукахъ надъ этимъ нестройнымъ смѣшеніемъ вещей, утѣшительный порывъ мысли, скромную истину, убѣжденіе народа, — все это для того, чтобы спасти его. прошедшее для его будущаго. Надобно чтобъ она шла вѣрными путями къ достиженію такой сложной и отдаленной цѣли. Какіе же они? Прежде всего она должна изобразить силы, участвующія въ происхожденіи и направленіи Литературы въ различные эпохи. Главнѣйшія изъ этихъ силъ суть: *народность и общественный духъ, государство съ его учрежденіями, непосредственно относящимися къ умственной дѣятельности народа и языкъ.* За симъ она естественно переходитъ къ самой Литературѣ, изображая ее общее движеніе и останавливаясь въ особенности на тѣхъ явленіяхъ, которыя представляются подъ чертами наиболѣе ошутительными и важными въ отношеніи къ успѣхамъ и направленію народной мысли и чувства. Здѣсь одна изъ главныхъ задачъ ея опредѣлить степень и характеръ того вліянія, какое имѣли литературныя лица и произведенія на общество не только въ смыслѣ эстетическомъ, но и нравственномъ, вообще на образованность и на послѣдующій ходъ и успѣхи ума. Она должна показать, были ли они пред-

ставителями народности, или только общества въ извѣстную эпоху. Критицизмъ ея долженъ пройти глубоко, по всѣмъ такъ сказать, составъ и жиламъ созданий, заслужившихъ честь подробнаго изслѣдованія. Онъ долженъ разложить основную идею и содержаніе каждаго изъ нихъ стараясь показать, что принадлежитъ въ нихъ обще-человѣческимъ стихіямъ жизни, народнымъ и общественнымъ, природѣ, мѣсту, личному характеру писателя или его школѣ, что въ идеяхъ его есть самобытнаго и заимствованнаго, откуда и какимъ путемъ. Онъ изъяснитъ форму произведеній, ея общія черты и происхожденіе, эстетическій характеръ въ отношеніи ко времени и общественному или національному вкусу и наконецъ слогъ писателя, какъ со стороны филологическихъ условій, такъ и красокъ.

Преимущество этого метода Исторіи Литературы передъ двумя предыдущими очевидно. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ выгоды обоихъ, присоединяя къ нимъ то, чего они лишены, т. е., полноту изложенія и объемъ соотвѣтствующій значенію Литературы. При богатствѣ фактовъ и критико-эстетической ихъ оцѣнкѣ, онъ въ то же время показываетъ ходъ литературнаго образованія въ естественномъ его развитіи, т. е. въ связи съ прочими явленіями жизни и вводитъ насъ въ самое святилище на-

роднаго ума и чувства, развертываетъ внутреннюю жизнь народа со всѣми ея измѣненіями, со всѣми переворотами, какимъ подвергалась она на пути къ высшимъ цѣлямъ человѣчества. Только подобная исторія можетъ быть для народовъ священной книгою самопознанія, для человѣчества актомъ заслугъ ихъ передъ нимъ, для потомства памятникомъ, урокомъ и наслѣдіемъ. —

Исторія не знаетъ обязанности выше и священнѣе, какъ быть исторіей. Если на земли нѣтъ ничего величественнѣе и многоцѣннѣе человѣчества и представителей его — народовъ, то изображеніе ихъ судьбы и смысла ихъ дѣяній не можетъ не быть цѣлюю само себѣ, не можетъ не возвышаться надъ всѣми другими цѣлями знанія. Пусть сіи послѣднія стануть подъ защиту мнѣній самыхъ почтенныхъ по происхожденію и по видамъ ихъ, — все же мнѣніе и мелко и жалко по своей мелкости въ сравненіи съ гигантскимъ величіемъ, съ глубокимъ значеніемъ самыхъ дѣлъ, которымъ повелѣлъ Богъ совершаться на безпредѣльной аренѣ исторіи предъ Своими бдящими очами, предъ лицомъ вселенной, въ непрерывномъ торжественномъ ходѣ вѣковъ.

Есть два рода искаженій, претерпѣваемыхъ здоровою методою Исторіи: одно *ученое*, другое *прав-
ственное*. Обыкновенно хотять знать, какъ возникли,

изъ какихъ стихій образовались такой-то народъ, такое-то направленіе идей, наука, искусство? Начало всякаго народа и всякой мысли есть добыча басни и гипотезъ, и послѣднія потому только не басни, что ихъ творить сухой старческій умъ, а не живая юношеская фантазія. Первые дни народа и его развитія не имѣютъ ни опредѣленной цѣли, ни характера; какъ облака гонимыя вѣтромъ въ безконечномъ пространствѣ, они бродятъ внѣ Исторіи, которая пріемлетъ въ свою область не процессы, предшествующіе созданію, но явленія уже сложившіяся, созданія, сподобившіяся чести нести свою кровь, трудъ и славу въ дань великому нравственному міростроенію. Наука стремится проникнуть не только до крайнихъ предѣловъ Исторіи, но даже далѣе ихъ; ея манитъ богатое таинственное *основаніе всего*. Считая своимъ долгомъ отнять у природы и судьбы ихъ сокровеннѣйшіе замыслы и признавая себя уполномоченною на то, она усиливается шагнуть туда, гдѣ нѣтъ лѣстницы для нисхожденія, гдѣ исчезаютъ вещи и событія и умъ, охваченный со всѣхъ сторонъ мракомъ хаоса, ничего не можетъ различить, ничего не слышитъ, кромѣ глухихъ стоновъ зачинающагося творенія. Здѣсь Наука измѣняетъ своему строгому, испытующему характеру; она забываетъ священное помазаніе правды и достовѣрности, которыми опытъ

уполномочиваетъ ее царствовать надъ міромъ мысли; изъ скромной, важной, величественной жрицы Истины, она становится догадкою, предположеніемъ, умствованіемъ, системой, софизмомъ; она возбуждаетъ къ себѣ недовѣрчивость и сомнѣнія, столь противныя ея чести и благу людей и вдается въ ребяческія состязанія съ здравымъ разсудкомъ, который отходитъ наконецъ въ сторону отъ своей благородной и прекрасной сестры, чтобы въ тишинѣ и одиночествѣ сѣтовать о ея нецѣломудренныхъ поползновеніяхъ. Такъ все у людей должно вкусить горькую отраву паденія, даже самая наука. Вздохнувъ о печальной судьбѣ ея, лучше снести укоризны добродушныхъ поклонниковъ ея ошибокъ, чѣмъ впасть въ угодное имъ щеславіе и тщетными гаданіями усугубить предъ людьми и небомъ тяжесть ея грѣха. Не станемъ на случайномъ сходствѣ словъ воздвигать обширныхъ теорій о происхожденіи, родствѣ народовъ и проч., или усиливаясь оперѣться на эти былія, увядшія въ буряхъ вѣковъ и рукахъ изслѣдователей, доказывать, что «такъ какъ мы совершенно ничего не знаемъ о древнѣйшихъ временахъ народовъ, то изъ многого случившагося съ ними, могло случиться и то, что они всѣ обязаны своимъ существованіемъ одному такому-то племени и что слѣдовательно этому племени подобаешь за то всякая хвала, честь и уди-

вленіе.» Не станемъ истолковывать древнихъ авторовъ по своему произволу и смыслъ, противурѣчащій нашей любимой идеѣ, называть ошибкою двоюписателя или переписчика. Не будемъ разтягивать на дыбы, класть подъ колеса и проч. именъ полубаснословныхъ и полупсторическихъ, басней, сказаній отрывочныхъ и случайныхъ, чтобъ мучительною филологическою и археологическою пыткой изторгнуть у этихъ бѣдныхъ тварей времени такое признаніе исторической истины, которое подъ другими пыточными орудіями, въ рукахъ новаго допросчика-изтязателя непременно будетъ отвергнуто ими же съ проклятіемъ и заглушено другимъ признаніемъ, столь же вынужденнымъ и ненадежнымъ. Ибо для чего бы мы все это дѣлали? Для видовъ науки? Но что отъ всѣхъ этихъ ужасныхъ усилій и насилій выиграетъ наука въ прекраснѣйшей и утѣшительнѣйшей для человѣчества славѣ — въ славѣ быть достовѣрною и точною? Она получитъ развѣ нѣсколько линій для симметрическаго округленія системы — бѣдная добыча педантскаго и школьническаго трудолюбія! Для того, чтобъ блеснуть тонкостію соображеній, смѣлостію догадокъ и выводовъ? Но къ чему это? Не будетъ ли это похоже на занятіе того хитроумнаго Грека, который истощалъ свою ловкость, чтобы издала попадать горошиною въ небольшое отверстіе и

которому умный Александръ Великій велѣлъ, за это, вмѣсто ожидаемой награды, выдать четверикъ гороху? Безразсудно тратить жизнь такъ кратковременную и силы ума столь благородныя на дѣла, коихъ вся заслуга состоитъ въ томъ, что они сдѣланы съ нѣкоторымъ трудомъ. — Но можетъ быть изысканія этого рода могутъ пробудить благотворное убѣжденіе въ умѣ народа, могутъ сдѣлаться опорою его самопознанія? Конечно такой результатъ стоилъ бы труда. Къ сожалѣнію, чѣмъ отдаленнѣе по времени предметъ изысканій, тѣмъ менѣе имѣетъ онъ жизненнаго сочетанія съ настоящимъ, и слѣдовательно тѣмъ менѣе можетъ служить дѣйствующимъ началомъ для чего бы то ни было. Обращать къ нему умы насильственно, пользуясь только авторитетомъ древности и дѣлать изъ него родъ какого-то вѣрованія, значило бы тоже, что издавать законъ о равномъ раздѣленіи поземельной собственности между людьми, на томъ основаніи, что они всѣ наслѣдники перваго обладателя земли, Адама. Чѣмъ такіе изслѣдователи выше Хилкова, который насмѣхаясь надъ обычаями разныхъ народовъ выводилъ свое начало то отъ боговъ, то отъ полубоговъ, съ важностію заставлялъ Русскихъ гордиться своимъ родоначальникомъ Мосхомъ, внукомъ Ноевымъ? Неоспоримо важны историческія преданія, когда народъ

заимствуетъ отъ нихъ часть своей мысли, когда на нихъ почіютъ его политическіе или нравственные интересы; но такого рода преданія не сочиняются профессорами исторіи, не печатаются въ книгахъ; они составляютъ живую вѣру, мысль, чувство народа. Ихъ нѣтъ надобности воскрешать, потому что они и не умирали, а когда умрутъ въ народномъ сознаніи, тогда не смотря на всѣ усилія антикваріевъ, они ему будутъ также чужды и излишни, какъ чуждо намъ и излишне молоко кормилицы, питавшее насъ въ младенчествѣ. Отъ Нормановъ ли получила Русь и бытіе и имя свое, отъ чистой ли Славянской крови она произошла, побережье ли Балтійскаго моря или подножіе Кавказа было колыбелію ея — не всякое ли изъ этихъ мнѣній равно для чувства народа, который потерялъ память о начальныхъ временахъ своихъ и жилъ столько времени не нуждаясь въ ней, который пережегъ свое прошедшее въ заревахъ столькихъ пожаровъ, перемылъ его въ столькихъ потокахъ крови и наконецъ переплавилъ свое существованіе въ столькихъ формахъ гражданственности?...

Въ то время, какъ мелкая ученость портитъ исторію посягая на ея достовѣрность и подрывая ея вліяніе на жизнь, практическіе умы хотятъ обратить это вліяніе къ своимъ цѣлямъ, болѣе или

менѣе своекорыстнымъ , болѣе или менѣе неосновательнымъ. Люди во всякое время были готовы изъ исторіи дѣлать всевозможныя приложенія. Пусть и дѣлаютъ это : ихъ достаточно оправдываютъ разныя спеціальныя пужды общества. И почему же какому нибудь промышленнику не думать , что моря и рѣки созданы именно для того , чтобы онъ могъ удобнѣе доставлять изъ отдаленнаго края на свой рынокъ синюю краску для тканей , или тюки травы для любителей наркотическаго и благовоннаго дыма ? Но наука обязана ограждать права и самобытность всякой истины ; она не должна допускать въ святилище исторіи людей , поползновенныхъ на искаженіе ея строгихъ сказаній для выгодъ своей маленькой мысли , людей , которые даже именемъ патріотизма уполномочиваютъ себя на всякое тщетное мудрованіе , считая его какимъ-то долгомъ , какъ будто истинный , просвѣщенный патріотизмъ укрѣпляется напыщенными возгласами , а не смиренномудрымъ , трезвымъ , правдивымъ самопознаніемъ ? И къ чему бы это все послужило ? Опьяняющая риторическая или школьная ложь не можетъ создать прочныхъ и великихъ вѣрованій , если ихъ не создали дѣла ; она производитъ только чадныя восторги , на которые всегда жалуются послѣ того , какъ они проходятъ , а они проходятъ скоро. И тогда то те-

ряется уже довѣріе къ заслугамъ существеннымъ и умы впадаютъ въ то печальное разслабленіе, которое обыкновенно слѣдуетъ за недостаткомъ истины въ мыслѣ и чувствѣ, или въ то гнусное лицемѣріе, гдѣ нѣтъ ни одной добродѣтели ни одной отрасли прекраснаго, которую бы въ одно время не называли самыми почетными именами и не уничтожали самыми черными поступками. Но предъ вами дѣла, могущія служить опорою великихъ убѣжденій — къ чему же возгласы? къ чему преувеличенія? если ихъ собственное краснорѣчіе не возбудитъ ни въ комъ сочувствія — напрасны всѣ діалектическія ухищренія; значитъ не стало сердецъ достойныхъ чести носить въ себѣ великія убѣжденія. Къ сожалѣнію, въ области умственной есть свой іезуитизмъ, который готовъ признать за неоспоримый догматъ, что цѣль освящаетъ средства, забывъ, что благородныя цѣли доступны только душамъ благороднымъ, а для такихъ душъ не всѣ средства равны. Но мелочные разлагатели буквъ и пыли вѣковъ чрезвычайно самолюбивы, какъ всѣ умы мелкіе; они увѣрены, что не народъ дѣлаетъ исторію дѣлами, а они своими умозрѣніями и что онъ долженъ черпать убѣжденія свои въ ихъ скучныхъ книгахъ, а не въ сознаніи своихъ силъ, которое становится яснымъ и побудительнымъ только по мѣрѣ того, какъ эти силы развиваются и дѣй-

ствуютъ. Къ тому жъ легче наполнять книги всевозможными умствованіями со всевозможными цитатами, чѣмъ вырыть изъ праха минувшаго одно важное дѣло и выставить его въ его природной красотѣ и въ ясномъ свѣтѣ для всенароднаго назиданія и воодушевленія. Все это можетъ много вредить чистотѣ историческихъ воззрѣній на величайшее изъ явленій человѣческаго міра — на Литературу. Потому-то исторія ея и должна облечься въ строгую и правильную методу, какъ въ доспѣхи боевые, ибо ей, какъ и всякой истинѣ, суждено имѣть враговъ даже въ такъ называемыхъ друзьяхъ и покупать успѣхи цѣною борьбы.

Наиболѣе удовлетворительный способъ изученія исторіи Литературы мы назвали прагматико-философскимъ. Это значитъ, что мы ожидаемъ отъ ней только *дѣла* и *смысла дѣла*. Но многіе вѣроятно соблазняются словомъ : философскій, привыкши соединять съ нимъ понятіе чего то метафизическаго, произвольно умозрительнаго. Нѣтъ ничего однако жъ противоположнаго, какъ истинная философія въ исторіи и произвольное умозрѣніе. Правда, она хочетъ знать не только ближайшія причины событій, но и общій основный законъ, откуда событія эти почерпаютъ движущую силу, смыслъ, и значеніе. Естествен-

но, что ея точка зрѣнія возвышается надъ тѣми частными или спеціальными воззрѣніями, которыя вещи дѣлаютъ виновницами вещей, забывая, что всѣ онѣ повинуются единой скрытой въ нихъ силѣ и влекутся другъ за другомъ по направленію, которое часто опредѣляется совершенно вопреки собственнымъ ихъ нуждамъ, усиліямъ и отношеніямъ. Философія старается открыть въ нихъ эту силу и направленіе, потому что въ противномъ случаѣ для насъ погибло бы разумное основаніе жизни, а безъ него, что же бы значила и жизнь и знаніе ея? Если справедливо, что система міра сложена въ духѣ высочайшаго разума по опредѣленнымъ началамъ, гдѣ все имѣетъ свою цѣль, гдѣ отношенія вещей всегда связываются и развязываются не иначе, какъ въ чаяніи извѣстнаго результата, — однимъ словомъ, что въ ней господствуетъ не слѣпой случай, или столь же слѣпой произволъ, а строгое начало законности, то что жъ бы человѣкъ значилъ въ мірѣ со своимъ разумомъ, прилѣпляясь только къ вещамъ, а не къ ихъ началамъ, т. е., не къ законности? Философія хочетъ одного — чтобы человѣкъ зналъ и уважалъ законность. Но что же въ такомъ случаѣ у ней общаго съ произвольными умозрѣніями, которыя всѣмъ жертвуютъ именно деспотизму личнаго убѣжденія, которыя подобно женскому или ребяческому

капризу, готовы въ пользу даже не любимой, а такъ случайно принятой или набѣжавшей мысли, отречся отъ всякой очевидности, которыя вселенной не хотятъ дать права существовать иначе, какъ въ духѣ ихъ эгоизма, или ихъ ученія, что одно и тоже? И Философія и Умозрѣніе сходны въ томъ, что они признаютъ и уважаютъ *общія идеи*; но неизмѣримая разность между ними та, что общія идеи у послѣдняго свои, какъ у всякаго барона своя фантазія, а у первой онѣ исходятъ отъ анализа самихъ вещей, отъ общаго ихъ союза, общей судьбы. Умная, благовоспитанная, т. е., исторіей воспитанная философія, вовсе не имѣетъ глупой гордости думать, будто бы она вещамъ можетъ давать направленіе безъ ихъ, такъ сказать вѣдома и сочувствія, вопреки ихъ природѣ, по собственному идеалу истины.

И такъ философскій прагматизмъ Исторіи Литературы ни мало не опасенъ для положительности историческаго знанія. Напротивъ онъ есть единственный путь къ знанію стройному, живому, чуждому всякой односторонности, духа школъ и системъ. Онъ смотритъ на народъ, какъ на великій живой организмъ, гдѣ мысль вырабатывается всѣми его силами и гдѣ въ свою очередь, мысль живетъ его и возбуждаетъ къ новой дѣятельности. Этого высокаго, всеобъемлющаго воззрѣнія доста-

точно Исторіи для того, чтобы быть почетнымъ и важнымъ звѣномъ въ цепи человѣческихъ знаній. Ей нѣтъ надобности въ поддѣльномъ глубокомысліи, которое не понимая истинной глубины вещей въ ихъ обычномъ ходѣ, въ ихъ естественной простотѣ, присвоиваетъ имъ такія значенія, какихъ природа остерегалась именно по причинѣ ихъ за-тѣйливости и отсутствія прямоты. Полная занимательности и изящества въ движеніи живыхъ силъ человѣческихъ, она не прибѣгаетъ къ риторическому убранству, чтобы блеснуть внѣшностію, привлекательною только для умовъ ребяческаго возраста. Провозвѣстница истины, понимающая свое достоинство, она неупотребляетъ громкихъ возгласовъ ни въ чью пользу, не льститъ ни какому — ни человѣческому, ни народному, ни личному самолюбію. Она, повторимъ сказанное нами прежде, не знаетъ обязанности выше и священнѣе для себя, какъ быть исторіей.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Главный и обильнѣйшій источникъ, откуда Исторія Литературы черпаетъ свое содержаніе, есть разумѣется, сама Литература, заключающаяся въ письменныхъ памятникахъ. Но Литература высказывая умъ и чувство народа находится, какъ мы видѣли выше, въ связи съ столь многими и разнообразными предметами, что являсь предъ потомствомъ въ лицѣ собственныхъ фактовъ, она покажется ему не полною и темною. Отъ того источники ея исторіи очень многосторонны и сложны. Ихъ можно представить подъ двумя различными видами: есть источники *непосредственные* и *посредственные*. Къ первымъ принадлежатъ факты самой Литературы, т. е. произведенія ея и писатели; ко вторымъ все, что служитъ къ объясненію народности, общественнаго духа, образованности въ из-

вѣстную эпоху, государственныхъ учрежденій и языка — этихъ силъ, отъ вліянія которыхъ такъ много зависитъ производительная дѣятельность ума и чувства.

Между фактами Литературы самые драгоцѣнные для Исторіи ея суть тѣ, кои при своемъ эстетическомъ направленіи, возникли изъ извѣстнаго настроенія или цѣлаго народа, или общества и носятъ на себѣ явственную печать самостоятельнаго движенія мысли. Пусть созданіе ея будетъ только выраженіемъ эпохи, не болѣе — оно жило для истины и само было истиннымъ: оно займетъ почетное мѣсто въ памяти поколѣній. На низшей степени стоятъ творенія, написанныя подъ вліяніемъ теорій исключительно въ эстетическомъ духѣ и съ эстетическими цѣлями. Не смотря на блестящіе замыслы и прикрасы, они все какъ то похожи на ученый трактатъ, рѣшающій какую нибудь отвлеченную задачу ума: они принадлежатъ идеѣ, а не людямъ, а извѣстно, что идея безъ участія въ человѣческихъ нуждахъ, безъ слезъ и улыбки, прекрасна, но холодна какъ кокетка, любящая жертвы, но ни одного изъ жертвователей. Специалистъ-мыслитель, или специалистъ-дилетантъ можетъ наслаждаться этими произведеніями съ утонченною сибаритскою роскошью, которая любитъ не одни вкусныя блюда, но и вкусныя мысли; но

кто человѣчество ставитъ выше ремесла, тотъ не будетъ довольствоваться однимъ искусствомъ изображенія, изящнымъ исполненіемъ, удачными оборотами мысли и рѣчи — этой гимнастикой таланта, въ которой онъ выказываетъ и силу и ловкость свою; онъ потребуетъ отъ таланта красоты, но красоты вылитой изъ нуждъ, страстей, желаній и надеждъ нашихъ, потому что хотя она и дочь неба, однакожь должна жить въ святомъ и цѣломудренномъ бракѣ съ сердцемъ человѣческимъ. Мы не требуемъ отъ высокаго художественнаго созданія, чтобы оно непременно служило разрѣшеніемъ какого нибудь современнаго вопроса, или частнаго случая: это была бы другая крайность. Мы желали бы только, чтобы удивляясь его прекраснымъ размѣрамъ и устройству, можно было сказать: «это не однѣ линіи, но живое тѣло, лице, одушевленное сочувствіемъ къ моимъ радостямъ и, еще лучше, къ моимъ страданіямъ, которыхъ у меня больше, чѣмъ радостей, — лице съ цвѣтомъ одинаковой сонной крови и чертами одинакаго духа, съ рѣчью въ устахъ доступною и уму и сердцу моему, хотя я не академикъ и не профессоръ, а только человѣкъ и гражданинъ.»

Вообще въ фактахъ Литературы, составляющихъ достояніе ея Исторіи, одни имѣютъ болѣе отношенія къ народу, другіе къ эпохѣ и обществу,

третьи, подъ именемъ художественныхъ, принадлежатъ какой нибудь литературной школѣ.

Есть произведенія, коихъ авторъ самъ народъ. Они сочиняются безъ всякихъ приуготовительныхъ соображеній, за шумнымъ пиршествомъ, на площади, передъ началомъ или послѣ кровавой битвы, у домашняго очага. Разные народы имѣли у себя, такъ сказать, привилегированныхъ поэтовъ — древніе Германцы бардовъ, Скандинавы скальдовъ, народы Восточные сказочниковъ. Для этихъ призванныхъ и посвященныхъ слагателей думъ и чувствъ не было другаго предмета слова, кромѣ событій и вѣрованій народныхъ; но при всей общедоступности ихъ идей и формъ, тутъ не рѣдко преобладалъ или духъ касты, или вліяніе лица, располагавшаго событіями эпохи. Между тѣмъ произведеніе, обязанное существованіемъ своимъ незнаемому и безграмотному пѣвцу или разказчику изъ среды народа, — произведеніе переходящее свободно изъ устъ въ уста, дополняемое, измѣняемое другими подобными пѣвцами и разказчиками, несетъ съ собою и отдаленнѣйшимъ потомкамъ наслѣдіе основныхъ вѣковѣчныхъ стихій народнаго духа и быта. Таковы всѣ собственно такъ называемыя пѣсни народныя, таковы эти эпическія сказанія, въ которыхъ фантазія народная изобличаетъ свои идеалы о человѣкѣ, о его судьбѣ

и жизни, или гдѣ народное чувство запечатлѣваетъ въ себѣ на вѣки священную память о великихъ событіяхъ, о великихъ людяхъ отчизны. Исторіи Литературы принадлежитъ честь оцѣнить по достоинству эти сокровища. Долго существовалъ предразсудокъ, считавшій всѣ подобныя простыя изліянія мысли и чувства, грубыми и недостойными философскаго взгляда изслѣдователей и вниманія людей образованныхъ. Это было въ тѣ времена, когда въ произведеніяхъ Литературы искали только одной красоты, т. е., забавы и развлечения, колеблясь между стразбургскимъ пирогомъ и драмой или поэмой и ни мало не подозревая, что слово не имѣющее ни авторитета школы, ни авторитета официальнаго, можетъ рѣшать вопросы чрезвычайно важныя для общества и быть занимательнымъ въ своей патріархальной и грубой простотѣ. Въ силу тогдашнихъ стремленій выдумали такъ называемый *вкусъ*, который очень удачно по характеру вѣка, перенесенъ былъ отъ гастрономическихъ предметовъ на предметы изящныя, — вкусъ, сложенный изъ моды и условныхъ приличій, съ полною рѣшимостію не изучать, но пересоздать природу по готовой системѣ, замѣнить ея простую истину своею утонченною и украшенною ложью. Въ наше время понятія эти измѣнились. Мы убѣждены, что идеи принятыя и вы-

раженныя народомъ имѣютъ великую важность. Во первыхъ онѣ важны сами по себѣ, какъ основныя начала и опоры его нравственнаго существованія; — то, отъ чего многіе люди бываютъ счастливы и несчастливы, добродѣтельны или порочны, безъ сомнѣнія, имѣетъ право на вниманіе людей мыслящихъ, которымъ ничто человѣческое не чуждо. Во вторыхъ въ способѣ образованія, изложенія и примѣненія этихъ идей отражается сила и логика народной мысли: вы видите, къ чему способенъ народный умъ, какія воззрѣнія ему преимущественно или исключительно свойственны, и слѣдовательно, какія стихіи должны составлять коренное начало его образованія и развитія, и какія нѣтъ. Нравы, обычаи, понятія ветшаютъ; старыя смѣняются новыми, интересы нравственные, которыми одушевлялись наши предки, могутъ быть для насъ предметомъ изученія, но не побужденіями нашего сердца, потому, что всему старому суждено умирать, а все родившееся должно быть новымъ. Цѣлый бытъ общественный можетъ измѣниться и народъ пойти по пути, котораго онъ не предвидѣлъ и не предчувствовалъ: ибо самыя внезапныя перемѣны на земли совмѣстнѣе съ существомъ вещей, чѣмъ неподвижность, выходящая изъ всѣхъ соображеній разума, изъ всѣхъ законовъ жизни. Но не смотря ни на какія бурныя историческія

потрясенія, ни на какія перевороты въ мнѣніяхъ, въ образѣ жизни, направленіи идей нравственныхъ и политическихъ, народъ остается однимъ и тѣмъ же нравственнымъ лицомъ, онъ не сдѣлается ни богаче ни бѣднѣе дарами разума, воли и чувства, ни геніальнѣе, ни тупоумнѣе. Онъ въ состояніи перемѣнить нравы, но не организацію своей души; будетъ сочувствовать всякому событію важному для человѣчества, а дѣйствовать только въ духѣ своихъ способностей и силъ. И этотъ то первообразный нравственный элементъ народности, заключающій въ себѣ мѣру, степень и способъ ея могущества и ея историческаго значенія, и есть одно изъ главныхъ и священныхъ откровеній народнаго слова. Не пренебрегайте самыми простыми фактами его. Примиритесь на часъ съ суровымъ видомъ и нехудожественностію формы, простите ихъ вѣку: онъ большею частію виновникъ такого эстетическаго соблазна — и вы увидите, что подъ ними народъ рѣшаетъ столь же великіе вопросы, какъ и философы, только своимъ несистематическимъ способомъ и съ тою разницею, что философы не слишкомъ вѣрятъ собственнымъ рѣшеніямъ, а онъ горячо имъ послѣдуетъ — потому что онъ не знаетъ лучшихъ, не умѣетъ жертвовать вопіющими потребностями отвлеченнымъ цѣлямъ и потому что ему нужна истина, но еще

нужнѣе убѣжденіе. Само собою разумѣется, что заставляя Исторію именемъ народности спускаться въ эти низменные области мысли, мы неограничиваемъ ими Литературы народа: то, что принадлежитъ извѣстной эпохѣ его образованія, или одному извѣстному направленію его духа, не составляетъ еще всего, что онъ можетъ и долженъ произвести. Бываютъ времена, когда для мысли существуетъ одно настроеніе и одна форма, когда самые счастливые умы не восходятъ выше общихъ понятій массы; но эти времена проходятъ; народный духъ раскидывается шире, многообразнѣе. Какъ пламя всепроникающее, онъ тихо пробирается въ кучахъ грубыхъ веществъ, въ то же время охватываетъ пиршественные залы, сверкаетъ на высотѣ зданія и раскидываетъ великолѣпное зарево по всему небу. Проявленіе его и слѣдствія различны, сила одна и та же — слѣдуйте же за ней повсюду, если хотите дать себѣ цѣлый и полный отчетъ въ ея дѣйствіи. — Факты, такъ сказать, безграмотной Литературы составляютъ иногда почти исключительный предметъ Исторіи Литературы, иногда малѣйшую часть ея содержанія, смотря потому въ какомъ положеніи, на какой степени развитія застаетъ она духъ народный. Пѣсни трубадуровъ, романъ розы, баллады о Робинѣ Гудѣ, слово о полку Игоря достаточны были для X, XI, или

XII вѣка; но ни Франція, ни Англія, ни Россія не будутъ въ XIX вѣкѣ довольны только тѣмъ, что какой нибудь уличный пѣвецъ сложитъ на своемъ простонародномъ нарѣчіи про Наполеона, Нельсона, или Суворова. Естественно, народность нашего вѣка богаче соображеніями и взглядами, разнообразіе чувствами, идеями, формами; она не только груба и проста, но возвышенна и изящна; она можетъ говорить напр. совершенно по русски, не только языкомъ Бовы королевича, но и языкомъ Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина. И безъ сомнѣнія — въ наше время она гораздо болѣе дѣлаетъ себѣ чести, изъясняясь ихъ очищеннымъ, художнически усовершенствованнымъ, народно-человѣческимъ словомъ, чѣмъ рѣчью брадатыхъ стилистовъ толкучаго рынка и ихъ безбородыхъ подражателей.

Не должно дѣлу справедливому вредить неумѣренною ревностію, которая въ слѣпомъ своемъ фанатизмѣ возвышая его выше мѣры, роняетъ въ общемъ мнѣніи ниже заслуженной цѣны. Не все сказанное народомъ освящается Исторіей. Иное принадлежитъ его великимъ неизмѣннымъ инстинктамъ и достойно бессмертія; оно и будетъ бессмертнымъ, не смотря ни на какія несовершенства формы и измѣненія вкуса; другое бываетъ просто очень мелкимъ, нелѣпымъ и грубымъ, и развѣ одно лицемѣрное глу-

бокомысліе найдетъ въ немъ всевозможныя красоты и глубокости. Тутъ скучныя пошлости, безконечныя повторенія одного и того же перемѣшаны съ вдохновенными красотами, чистѣйшими истинами, которые блещутъ какъ жилы самороднаго золота въ кучахъ грязи. Такова судьба самыхъ умныхъ обществъ, когда шаткіе и случайные порывы ихъ мысли еще незнакомы съ пособіями науки и искусства. Тутъ не отчего приходить ни въ восторгъ, ни въ смущеніе, а надобно благоразумно и осторожно разбирать идеи и слова — золото откладывать къ золоту, а грязь бросать.

Народный духъ зрѣетъ, развертываетъ свои нравственныя силы и переходитъ наконецъ въ ту сферу жизни и дѣятельности, гдѣ вполне должно осуществиться его предназначеніе, гдѣ мысль его должна стать лицомъ къ лицу съ великими задачами человѣчества и своими убѣжденіями, открытіями и созданіями выполнять долгъ свой къ нему и къ самой себѣ. Бытъ народа дѣлается сложнѣе и сложнѣе. Въ нѣдрахъ его возникаетъ множество различныхъ направленій отъ суевѣрныхъ гаданій о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ до трансцендентальнаго воззрѣнія на міръ, отъ грубой шутки площаднаго остроумія до горькой и язвительной улыбки глубокаго философскаго юмора. Въ важнѣйшихъ отправленіяхъ внутренней жизни уже видно при-

существо разума правящего и ведущего народъ къ своимъ цѣлямъ; высшая дѣятельность перестаетъ быть инстинктивною и случайною и ищетъ опоры въ законности; событія группируются около идей, какъ около своихъ центровъ; общество дѣлится на категоріи — и единая всецѣлая мысль народа со своими самобытными стремленіями и со всѣми случайными нуждами своего развитія, передаетъ себя въ руки избранныхъ талантовъ, помазанниковъ природы, которые дѣлаются ея представителями и органами предъ современниками и потомствомъ. Такимъ образомъ Литература становится также категоріей; доступная всякой нравственной нуждѣ, всякому движенію народнаго ума и сердца, она однакожь чувствуетъ свое высокое призваніе и удаляется столько же отъ вкуса черни, какъ и отъ ея занятій. Блестительницами ея чистоты и самостоятельности служатъ вѣчныя истины изящнаго, которыя содержаніе ея растворяютъ святымъ напѣвомъ идеаловъ, а формамъ придаютъ весь блескъ, всю гармонію и всю грацію художественной обработки. Такимъ образомъ во власть Исторіи Литературы поступаетъ обширный запасъ матеріаловъ, равно важныхъ для жизни и для искусства.

Но чѣмъ больше въ послѣдствіи Исторіи представляется фактовъ литературныхъ, тѣмъ труднѣе, по-видимому, выборъ между ними. При тепломъ

сіяніи образованности, они плодятся на почвѣ ума и сердца, и растутъ, цвѣтутъ иные день, иные только часъ, но всѣ обречены жизни или смерти вѣчно дѣятельнымъ производительнымъ духомъ человѣческимъ, которому Провидѣніе позволивъ разъ производить, не предписало программы что и какъ производить. Истины вѣчныя, истины человечества, народа смѣшиваются здѣсь съ преходящими вопросами эпохи, вопросы эпохи распадаются на мгновенныя, летучія полумысли, полуистины, замѣтки, грезы дня и случая, которыя подобно влажной пыли водопада, кипятъ, сверкаютъ и теряются въ бурномъ водоворотѣ современности. Между тѣмъ справедливо, что Исторія не должна терять изъ виду своей направительной идеи; она беретъ на себя объясненіе и защиту народнаго генія предъ страшнымъ трибуналомъ потомства, которое требуетъ отъ ней отчета въ употребленіи божественнаго дара — мысли и въ суммѣ пріобрѣтеній, какія народъ этою мыслию успѣлъ принести въ общую сокровищницу человечества. Но и здѣсь также не отчего приходитъ въ смущеніе. Все само собой устроивается къ лучшему. Зло, порождаемое образованностію и движеніемъ идей, похоже на соръ, носящійся по волнамъ широкаго и быстротечнаго потока: тѣже самыя волны, которые его приняли, уносятъ

далеко, въ безпредѣльный океанъ, не измѣняя своей чистоты и пользы. Гораздо хуже зло, производимое невѣжествомъ; это плѣсень и гной стоячей воды, которая наполняется ими до тѣхъ поръ, пока не превратится въ болото, жилище отвратительныхъ насѣкомыхъ и источникъ ядовитыхъ испареній. Истина, какого бы роду она ни была, выдерживаетъ честно и оканчиваетъ побѣдоносно свою битву съ человѣческими страстями. Маленькія инфузоріальныя убѣжденія, пошлыя сплетни ума безъ сердца или сердца безъ ума, раждающіяся ежеминутно, какъ мошки, въ дневномъ лучезарномъ сіяніи образованности и проникающія въ самыя сокровенныя изгибы общественной мысли, не помѣшаютъ ей занять мѣста, которое принадлежитъ ей по праву и по закону, а не по желанію и прихоти людей. Твореніе ознаменованное ея печатію, будетъ ли оно въ духѣ человѣчества и народа, или въ духѣ какой либо общественной эпохи, сохранить свое достоинство и вліяніе на зло и времени и варварству. Исторіи не трудно отличить его отъ произведеній ложнаго вкуса или блестящей посредственности: оно слишкомъ замѣтно по сочетанію живыхъ интересовъ содержанія съ художественными красотами идеи и формы. Ихъ не въ силахъ уже забрызгать грязью невѣжды, или заслонить отъ потомства и даже отъ совре-

менниковъ простымъ невниманіемъ люди, которые привыкли оказывать вниманіе всему, кромѣ ума и таланта. Правда, могутъ понять и оцѣнить сначала не вполне или не всѣ красоты геніальнаго созданія: долгъ Исторіи изъяснить ихъ. Впрочемъ, между счастливыми послѣдствіями преуспѣвающей Литературы есть также то, что она изощряетъ и совершенствуетъ эстетическое чувство и образуетъ наконецъ для событій мысли общественное мнѣніе, которое находитъ высокую занимательность и пользу въ справедливой и вѣрной оцѣнкѣ всякой умственной заслуги. Тогда между обществомъ и Исторіей Литературы образуется родство, которое оправдывая существованіе послѣдней, въ то же время увольняетъ ее отъ изъясненія многихъ основныхъ идей, какъ напр. что просвѣщеніе полезно, что безъ Литературы нѣтъ просвѣщенія, что Литературы нѣтъ безъ нѣжнаго и вмѣстѣ глубокаго сочувствія къ изящному и проч.

Между тѣмъ какъ Исторія Литературы въ великихъ хранилищахъ мысли, чувствъ и красоты черпаетъ матеріалы и краски для своихъ изображеній, мелкія, текучія, такъ сказать, произведенія также не лишены въ глазахъ ея своего рода важности. Отдѣльно каждое изъ нихъ ничего не значитъ; но въ совокупности они служатъ выраженіемъ умственнаго состоянія, вкуса и требованій

иногда большинства общества, а иногда меньшей его части, но части состоящей также изъ людей, слѣд. не ничтожной въ исторіи людей. Особенно участіе этихъ мелкихъ фактовъ, этой сплошной массы микроскопическихъ мыслей, становится значущимъ, въ изображеніи эпохи, когда готовится или совершается какой нибудь переломъ въ понятіяхъ и чувствахъ; тутъ видимъ въ нихъ многіе процессы, которыми вѣкъ вырабатываетъ свое начало. Въ такомъ случаѣ иная журнальная статья, не въ примѣръ другимъ, становится обильнымъ источникомъ соображеній и выводовъ.

Характеристика языка, изображеніе его успѣховъ, измѣненій или упадка въ данную эпоху, тѣсно соединяются съ изображеніемъ Литературы. Геніальные писатели имѣютъ свой языкъ, т. е., слогъ; изъ общаго языка народа они извлекаютъ такіе богатства и красоты, которыя до нихъ казались несуществующими и невозможными. Но изъясненіе того, что они сдѣлали въ этомъ отношеніи, не обнимаетъ всѣхъ направленій, оттѣнковъ, видоизмѣненій языка литературнаго и народнаго. Этому исторія должна посвятить особенный трудъ. Идеи, перешедшія въ языкъ и образующія собою цѣлыя окончанныя творенія, представляютъ результаты умственной дѣятельности народа; языкъ означаетъ его способности, умъ въ самыхъ глубокихъ его

изгибахъ. Потому то всѣ перемѣны, происходящія въ языкѣ, бросаютъ тѣнь на его нравственную силу, или озаряютъ ее блескомъ прежде, чѣмъ вы успѣете разсмотрѣть и оцѣнить зодческій талантъ народа въ построеніи обширныхъ литературныхъ зданій. Образование новыхъ словъ, заимствование иностранныхъ, новыя словосочетанія, обороты и краски, степень мѣстныхъ уклоненій отъ одного и того же общаго языка, преобладаніе формъ искусственныхъ или народныхъ, понятія о художественной отдѣлкѣ языка въ Литературѣ и степень его близости къ языку общественному — все это составляетъ вопросы, тѣсно связанные съ характеромъ и судьбою народной мысли. Сюда относится также филологическая разработка языка, коей выраженіемъ служатъ словари всякаго рода, грамматика, методы обученія ему въ школахъ и т. п.

Слѣдуя за живыми силами народа — мыслию и словомъ, за ихъ вліяніемъ на ходъ образованія, причинами успѣховъ, упадка и измѣненій, нельзя оставить безъ вниманія ученій, которыя являются по временамъ въ видѣ кодекса Литературы, когда она сдѣлалась уже особой категоріей умственной дѣятельности, искусствомъ. Человѣкъ такъ глубоко проникнуть мыслию о зависимости своей отъ высшаго всеобщаго порядка вещей, что идея законности сопровождаетъ его во всѣхъ преднамѣре-

ніяхъ ; этого недовольно : онъ знаетъ , что эта законность , его ограничивающая , есть единственное спасеніе его свободы — и потому въ повиновеніи законамъ человѣкъ видитъ не только долгъ свой , но честь и достоинство своей природы. Нѣтъ , по видимому , ничего сообразнѣе для него съ разумомъ , какъ въ художественномъ творествѣ подчинить себя извѣстнаго рода условіямъ — и не дарованіе , а развѣ слабоуміе можетъ Литературу считать царствомъ безусловной свободы , или произвола , что одно и то же. Потому неудивительно , что для ней придумано множество законовъ. Но кто имѣетъ право издавать ихъ и до какой степени простирается это право ? вотъ вопросъ , котораго долгое время не считали нужнымъ предлагать , когда же эта нужда настала , явились , какъ обыкновенно , мнѣнія не только различныя , но противоположныя. Природа — отвѣчали одни , наука , говорили другіе , какъ будто истинная наука не есть таже природа , перешедшая въ идеи разума , или какъ будто истины природы , постигаемыя разумомъ , есть что нибудь другое , а не наука. Однако жъ извѣстно , что наука Литературы , въ видѣ риторики и піитики , была большѣю нелѣпостію. Да , она была нелѣпостію , именно тогда когда воображала , что можетъ существовать сама собою , безъ природы. — Въ искусствѣ есть двѣ

стороны : одна принадлежит закону развитія которое увлекает все впередъ къ новымъ вопросамъ, новымъ слѣдствіямъ , не можетъ быть опредѣлено и измѣрено ни умозрѣніями , ни опытомъ, которое отражаясь въ творческихъ замыслахъ генія , подчиняется не какой либо особой системѣ правилъ , а всеобщей системѣ духа и жизни , системѣ исторіи , подлежащей изъясненіямъ , но не догматамъ. Другая сторона искусства заключается въ способахъ , какими осуществляетъ оно свои идеи. Какъ эти способы состоятъ въ употребленіи вещественныхъ орудій и формъ , надъ которыми господствуетъ законъ необходимости , въ которыхъ все опредѣлено одинъ разъ на всегда , то здѣсь для искусства должны быть правила строгія , точныя , единообразныя и спеціальныя. Вотъ настоящее мѣсто науки Литературы ; здѣсь она покоряетъ себѣ все , что происходитъ отъ вліянія языка на ходъ и направленіе творческой мысли. Но наука неудовольствовалась этимъ ; ей захотѣлось посягнуть на самые непредвидѣнные процессы этой мысли въ историческомъ ея развитіи , разсчитать и опредѣлить съ педантскою и математическою увѣренностію все , что она должна совершать , движимая и одушевляемая каждою новою потребностію сердца , каждымъ переворотомъ нашей судьбы. Повелительная тамъ , гдѣ ей слѣдовало повелѣвать ,

въ своей области , наука вздумала диктаторствовать и тамъ , гдѣ власть принадлежитъ только свободѣ и судьбѣ ; она боялась унижить себя , сдѣлавшись изъ догматики суровой , непреклонной и связующей живой исторіей , хотѣла не изъяснять , а предписывать . Отсюда произошли всѣ эти заносчивыя и вмѣстѣ жалкія теоріи словесности , которыхъ боялись школьники и не слушались таланты и которыя однако жъ бывъ облечены незаконно въ санъ науки , затрудняли общій ходъ Литературы , какъ брюзгливая старая надзирательница затрудняетъ ворчаньемъ своимъ милое и граціозное обращеніе молодой дѣвушки .

Такимъ образомъ не только факты Литературы , но и основныя о ней понятія вѣка , каковы бы они ни были , составляютъ естественное содержаніе ея исторіи . Но здѣсь уже важна для ней не одна строгая догматика , посредствомъ которой эти понятія стремятся возвыситься до степени твердаго и основательнаго ученія . Есть другая форма литературныхъ вѣрованій , болѣе способная сближаться съ жизнію , дѣйствующая въ одно время и на направленіе Литературы , и на образованіе общественнаго вкуса , восходящая до высшихъ началъ разума какъ они представляются въ ученіяхъ эпохи , и въ тоже время проникаемая новыми видами и интересами , къ которымъ влечетъ людей

неотразимая судьба исторіи. Форма эта есть критика. Критику считаютъ судилищемъ Литературныхъ произведеній и талантовъ; по крайней мѣрѣ она имѣетъ на это право, въ качествѣ представительницы общества и идей разума — для своего времени. Исторія смотритъ на нее однако жъ иначе. Она часто отвергаетъ приговоры критики; предъ ея трибуналомъ судьи становятся подсудимыми, и критика для ней не болѣе, какъ докладная записка, которую современность представляетъ потомству о судьбѣ Литературы и господствующихъ о ней понятіяхъ въ извѣстную эпоху. Современность всегда немножко ябедничить; но исторію не легко обмануть. Критика для ней не есть убѣжденіе, а такой же матеріалъ, какъ и всѣ другія справки въ дѣлѣ, матеріалъ однако жъ необходимый и важный. Она должна знать, чего требовало общество отъ собственной мысли и было ли довольно ея успѣхами.

Исторіи Литературы принадлежатъ не одни событія, но и лица, дѣятели. Царство мысли имѣетъ своихъ героевъ, коихъ заслуги и личныя свойства принадлежатъ потомству, какъ все великое и доблестное на земли. Они тѣмъ болѣе возбуждаютъ сочувствія къ себѣ, что значеніемъ своимъ въ свѣтѣ обязаны единственно нравственнымъ силамъ и что изучая ихъ, вы изучаете не пути судьбы,

по человѣка въ природномъ его могуществѣ, лишенномъ всякихъ матеріальныхъ пособій, ему собственно принадлежащемъ. Есть что-то особенно великое и прекрасное въ призваніи тѣхъ, которымъ суждено распространять въ обществахъ владычество разума и нравственныхъ началъ, владычество истины и изящества. Природа одаривъ ихъ высшими способностями, организаціей ума нѣжнѣйшей, чѣмъ у другихъ, болѣе самостоятельной и дѣятельной, очевидно хотѣла дать въ нихъ перевѣсъ духовнымъ силамъ и стремленіямъ надъ матеріальными и чрезъ то обречь ихъ заранѣе на исключительную разработку началъ духа между людьми. Потому то ихъ мало занимаетъ такъ называемая практическая сторона дѣятельности. Постигнувъ духъ своего народа и общества, изучивъ ихъ нравственныя нужды, овладѣвъ ихъ словомъ, они становятся впереди всѣхъ вождями и руководителями на исторической аренѣ ихъ мысли. То что въ умахъ другихъ есть только темное гаданіе, неопредѣленный порывъ, въ сердцахъ чаяніе или предчувствіе, что однако жъ составляетъ томительную потребность и ума и сердца, то прошедши сквозь художническую душу этихъ избранныхъ людей, выработавшись въ нѣдрахъ ихъ зидительной мысли, облекшись въ слово стройное и животрепещущее, становится ясною истиною, жи-

вымъ убѣжденіемъ, движетъ, одушевляетъ, питаетъ всѣхъ. Сколько подъ животворнымъ вліяніемъ ихъ генія разцвѣло въ сердцѣ человѣческомъ благороднѣйшихъ побужденій и чувствъ! Сколько проснулось на ихъ мощный призывъ дремавшихъ доблестей, которыя міру подарила великіе уроки а книгѣ бытописаній лучшія страницы. И такъ свойство ихъ зиждительной силы, вліяніе на развитіе и направленіе народной мысли и общество, положеніе ихъ въ этомъ послѣднемъ, судьба и характеръ составляютъ столько же богатые, сколько и необходимые источники содержанія для Исторіи Литературы. Она обязана изъ всего, что представляютъ ей документы, извлечь для потомства ихъ живые образы не только потому, что знакомство съ писателями составляетъ одинъ изъ важныхъ способовъ знанія самой Литературы, но и потому, что сохраняющіе въ своихъ твореніяхъ всѣ виды народной славы, конечно достойны пріобщиться ей сами.

Вотъ главные, прямые источники, изъ коихъ Исторія Литературы черпаетъ свое содержаніе и вотъ въ какомъ духѣ надобно ими пользоваться, по нашему мнѣнію.

Гдѣ существуетъ Литература какъ непреложная потребность и художественная сила общества, тамъ есть и наука. Мы видѣли, въ какой тѣсной связи

находятся между собою эти два могущества человеческого разума, на которыхъ опирается зданіе нравственного порядка вещей. Вліяніе ихъ другъ на друга ведетъ къ важнымъ слѣдствіямъ для каждаго изъ нихъ, такъ же какъ и для общества. Очевидно, что Исторія развитія народной мысли въ ея двоякомъ соприкосновеніи — съ высшими идеями разума и съ живыми историческими интересами общественности, имѣетъ право на пособіе той силы, которая вся посвящена служенію первымъ. Но область науки заключаетъ въ себѣ спеціальныя принадлежности, которыми воспользоваться можетъ только собственная ея исторія, — принадлежности недоступныя Исторіи Литературы. Какую же добычу найдетъ здѣсь послѣдняя для своего содержанія? Ни какой матеріальной; она войдетъ въ область науки не для того, чтобы вынести оттуда факты и лица, процессы образованія и развитія разныхъ ученій, системъ и проч., а только для того, чтобы однимъ общимъ взглядомъ окинуть работы народнаго ума, узнать направление и успѣхи народной мысли на этомъ уединенномъ пути и рѣшить, какого рода вліянію подвергалась Литература въ извѣстное время отъ такой или другой системы ученаго образованія, принятой въ народѣ или обществѣ, отъ такихъ то открытій, или преобладанія такой или дру-

гой системы и школы. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя событія въ области науки весьма явственно отражаются въ Литературѣ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ : въ XVIII вѣкѣ всѣ европейскія Литературы и въ основныхъ понятіяхъ и въ творческой своей дѣятельности испытывали могущественное вліяніе Литературы классической. Обыкновенно распространеніе и укорененіе этого вкуса приписываютъ Франціи. Но Франція здѣсь была, такъ сказать, только агентомъ другой силы болѣе степенной и болѣе законной по историческимъ своимъ преимуществамъ. Эта сила заключалась въ томъ основательномъ и глубокомъ изученіи классическаго міра, которое распространилось въ Европѣ особенно въ XVI и XVII вѣкѣ: *отряхнувъ сперва пыль вѣковъ отъ хартій*, возстановивъ и объяснивъ изумительными филологическими работами текстъ ихъ, однимъ словомъ, вынесши изъ мрака катакомбъ на свѣтъ эти неопцѣнныя богатства греческаго и римскаго генія, оно представило изумленной Европѣ неслыханное зрѣлище умственной дѣятельности высокой, изящной, достигшей, казалось, крайнихъ предѣловъ художественнаго совершенства. Древній міръ какъ будто воскресъ въ самомъ обаятельномъ, въ самомъ лучезарномъ сіяніи своей славы; благоговѣніе къ нему столь естественное, столь справедливое само по себѣ,

въ живыхъ удобоувлекаемыхъ умахъ Французовъ превратилось въ эстетическое суевѣріе, въ фанатизмъ и то, что должно было остаться навсегда въ памяти народовъ, какъ источникъ воодушевленія, какъ примѣръ красоты простой и истинной, какъ предметъ самаго плодоносящаго изученія, то сдѣлалось предметомъ рабскаго подражанія. Такъ литературы новѣйшія многимъ обязаны классической филологіи и классической эстетикѣ; но по естественному ходу вещей, онѣ также должны были испытать и вредъ злоупотребленія, къ какому способны всегда легкомысліе и слѣпой энтузіазмъ. — А нынѣшнее стремленіе въ поэзіи къ дѣйствительности и истинѣ, столь различное съ прежнею игрою въ вымыслы и красивые идеалы безъ существенныхъ интересовъ жизни, не есть ли слѣдствіе духа анализа, господствующаго въ современной наукѣ — этого строгаго и могучаго духа жизни и вещей, впервые возбужденнаго геніемъ Колумба и послѣ превращеннаго въ потребность, въ методу всякой истины Бекономъ и Декартомъ? —

Наука еще и другимъ образомъ вразумляетъ во многомъ Исторію Литературы. Дѣйствуя въ кругу Университетовъ, она воздвигаетъ въ новомъ юномъ поколѣніи убѣжденія и понятія, которыя исполнясь силы, теплоты и отваги въ его свѣжемъ сердцѣ и его горячей крови, проникнуть въ жизнь и от-

разятся въ идеяхъ и вѣрованіяхъ творческихъ. Вообще направленіе и ходъ высшаго ученаго образованія должны быть для Исторіи Литературы во многихъ случаяхъ необходимыми указателями, а профессорскіе конспекты и курсы важнымъ матеріаломъ.

Изъ всего, что доставляютъ ей источники *посредственные*, она старается извлечь одну выгоду для себя — ясное понятіе объ участи, какое имѣла судьба въ развитіи народной мысли. Ибо наконецъ всякое отправленіе жизни имѣетъ свою неизбѣжность слѣдствій, которыми она располагать уже невластна. Мы не понимаемъ той виѣшней судьбы, которая бы, какъ машина, оттискивала и вещи и физіогномію ихъ единообразнымъ давленіемъ своихъ винтовъ и рычаговъ. Подъ державою Вѣчнаго Промысла не можетъ быть другой судьбы кромѣ той, какая воздвигается въ нѣдрахъ собственныхъ нашихъ силъ, въ естественныхъ стремленіяхъ, возникающихъ изъ самой ихъ дѣятельности; взаимное вліяніе этихъ силъ и стремленій — вотъ что рѣшитъ ихъ жребій. Каждый народъ есть самъ для себя судьба; въ организаціи духа его, въ его свободѣ и самобытности заключаются особенныя вѣчныя основы его народности, общественности и государственнаго устройства — ихъ неотразимая сила увлекаетъ за собою мысль, ко-

торая въ свою очередь, неостается для нихъ нейтральною и безплодною. Исторіи Литературы предстоитъ изобразить все, чему подвергается послѣдняя отъ дѣйствія ближайшихъ или устремленныхъ на нее силъ. Въ эпоху младенческаго состояніи народовъ Литература и сама еще младенческая, испытываетъ одно вліяніе народности и общественнаго духа; но когда народъ возмужаетъ и окрѣпнетъ въ формахъ государственнаго устройства, тогда и Литература также принявшая уже видъ опредѣленный и правильный, подвергается новому вліянію — вліянію государства. Учрежденіями своими по части образованія и воспитанія, законодательствомъ, оно могущественно дѣйствуетъ на всю умственную жизнь народа — и они то въ своемъ духѣ и организаціи составляютъ важный предметъ для Исторіи Литературы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ИДЕЯ И ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ.

Пространство седьмой части міра, широко раскинувшееся на покатостяхъ восточной Европы, вторгшееся въ глубину сѣверной Азіи, охваченное туманными побережьями отдаленнаго американскаго сѣвера, — это пространство, которое можетъ носить имена трехъ частей міра, есть наше отечество. Въ неизмѣримыхъ предѣлахъ его, въ различныхъ климатахъ, въ глубинѣ снѣговъ, подъ палящимъ зноемъ солнца, на болотахъ, коихъ почва вѣчные льды, а весеннее убранство сѣрый мохъ, на равнинахъ отпертыхъ отъсюду бурямъ, людямъ и идеямъ, обитаютъ многія племена, отличающіяся происхожденіемъ, образованностію, нравами и религіей. И среди ихъ на державной ступени возвышается народъ всеобъемлющій и въ то же время сосредоточенный въ одно крѣпкое

цѣлое единствомъ началъ физіологическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ, народъ долго непричастный успѣхамъ и славѣ просвѣщенной гражданственности и потомъ вдругъ, къ изумленію міра и исторіи, неожиданно явившійся среди обществъ образованныхъ съ требованіемъ и нравственными средствами на почетное между ними мѣсто. Народъ этотъ есть исполненный ума, дарованій и будущности народъ Русскій. Превосходствомъ силъ своихъ онъ успѣлъ разнородныя племенные начала сложить въ одинъ государственный составъ; не совершивъ еще ни одного обычнаго періода высшей умственной жизни, онъ однако жъ предъявилъ на нее неоспоримое право своими способностями и успѣхами, начатыми такъ внезапно, но продолжаемыми съ такимъ постепеннымъ одушевленіемъ, съ такою пророчествою жаждою духовнаго перерожденія. Подобный народъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Исторіи не по одной замѣтности и осязаемости своихъ исполинскихъ формъ, но по духу ихъ оживляющему, по нравственнымъ силамъ, которыя не ясно, но выразительно обѣщаютъ въ немъ человѣчеству что-то разумно-высокое. Развитие, судьба его мысли и языка достойны изученія.

Исторія русской мысли должна имѣть свой характеръ, свое значеніе. Но какъ ихъ опредѣлить?

По какимъ умственнымъ путямъ устремится геній народа мощный, но не искусившійся опытами прошедшаго, благотворными по самымъ ихъ превратностямъ, готовый на все, но такъ мало еще приготавлившій? Какія задачи суждено ему рѣшать въ системѣ человѣческой разумности — это тайна Провидѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ мы начали понимать наше національное достоинство, много явилось у насъ предположеній болѣе или менѣе патриотическихъ, болѣе или менѣе остроумныхъ о великихъ судьбахъ нашего отечества, о его призваніи обновить дряхлѣющее человѣчество, примирить элементы Востока и Запада и проч. Были даже такіе жаркіе ревнители отечественной славы, которые хотѣли усыновить Россію Аттилѣ и тѣмъ доказать неоспоримое ея право и возможность выбросить Европу за окно вселенной съ ея желѣзными дорогами, паровыми машинами, книгопечатаніемъ, съ гробами Ньютоновъ, Декартовъ, Данте, Шекспировъ, Гёте. Эти дѣтскія теоріи, при всей ихъ пылкости, ничего не рѣшаютъ о томъ, чего знать ни кому не дано, т. е., о будущемъ состояніи вещей. Къ сожалѣнію онѣ такъ же ничтожны и для настоящаго. вмѣсто того, чтобы озарять свѣтомъ основательнаго знанія предметы тѣсно связанные съ благоденствіемъ и славою отечества, или воодушевлять сердца ревностію

ко всему разумному, честному, нравственно великому и тѣмъ точно содѣйствовать великимъ судьбамъ народа, хотя и не во вкусъ Аттилы, — эти теоріи будучи пустою игрою праздної фантазіи или надутаго школьнаго суесловія, чуждыя существенныхъ интересовъ общества, разлетаются поверхъ него дымомъ, не пробуждая ни въ комъ ни одного плодоносящаго убѣжденія и вѣрованія. Для насъ не настала еще пора полного самопознанія — и кажется эта пора отдаленнѣе, чѣмъ думаютъ слишкомъ торопливые составители народныхъ духовъ и судебъ. По крайней мѣрѣ намъ труднѣе достигнуть его, нежели другимъ, а слѣдовательно и опредѣлить направленіе и возможные результаты нашихъ дѣйствій. Мы въ области Исторіи шли какими-то особенными путями и господствующія начала нашей народности вырабатываясь въ горнилѣ самой чрезвычайной судьбы, какая когда либо постигала народъ, выработали намъ фізіогномію, которую трудно уловить искуснѣйшему наблюдателю и живописцу. Неоспоримо, что мы одарены самыми счастливыми способностями, самыми человѣческими, если можно такъ выразиться, готовыми принять въ себя всякую истину, красоту и добро. Но этимъ превосходнымъ способностямъ въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности, не доставало ни возбужденія, ни исторической

точки опоры. Народы передаютъ умственное движеніе одинъ другому ; мы не знаемъ , отъ кого первый , въ этомъ магическомъ прикосновеніи , пріялъ и духъ и слово разума ; но знаемъ , что Греки начала образованія получили изъ Индіи и Египта , Римляне изъ Греціи , новые народы Европы отъ Грековъ и Римлянъ. Всѣ они воспитывали свой геній для науки , для искусства , для всѣхъ усовершенствованій гражданства въ школахъ , гдѣ разумъ человечества , чрезъ своихъ избранныхъ , своихъ представителей , успѣлъ уже положить нѣкоторые изъ основныхъ своихъ и вѣчныхъ понятій , какъ священный залогъ будущихъ преемственныхъ успѣховъ поколѣній. Они шли впередъ , шли выше , пролагали новые пути , но первымъ шагамъ ихъ были приготовлены надежная ступень и точка опоры. Можетъ быть Провидѣнію угодно , чтобы , кромѣ узъ крови и единства происхожденія , всѣ члены въ великой семьѣ народовъ , были связаны святымъ родствомъ идей , глубокимъ нравственнымъ сочувствіемъ , какое всегда невольно питаетъ пріявшій дары мысли и первыхъ впечатлѣній къ ихъ виновнику. Всѣ они въ системѣ всеобщей образованности составляютъ логическія , своевременныя явленія , вѣрныя и мѣстами своими и эпохами потребностямъ и идеѣ цѣлаго. Потому то выходя на сцену исторіи , они скоро попадали

на свою роль и дѣйствовали опредѣлительно и самоувѣренно. Сверхъ того, каждый изъ этихъ народовъ, по какому то счастливому распоряженію судьбы, встрѣчался съ обстоятельствами, настроившими духъ его на великія идеи: онѣ устремляли его къ предметамъ и цѣлямъ всемірнаго значенія и потому содѣйствовали развитію и окрѣпости въ немъ самобытнаго мышленія и энергіи воли. Такъ Греки сражались за права разума и законности противъ матеріальныхъ силъ деспотическаго Востока — и самая борьба ихъ общимъ между собою, подстрекаемая жаждою первенства и мѣстными различіями, была источникомъ умственного соревнованія и оживляла способности ихъ души. Римъ разширялся замыслами испанскаго честолюбія въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ племенами Италіи, которыя испытывали и изошряли его общественное могущество и доблесть, противопоставляя ему не одну физическую мощь оружія, но и силу своихъ правовъ и успѣхи опередившей его цивилизаціи. Новѣйшіе племена Запада довершали разрушенія древняго міра и проникнутые свѣжими идеями Христіанства, полагали основаніе новому. Россія ничего подобнаго не дѣлала и не могла дѣлать. Раскинувшаяся на плоскихъ снѣжныхъ равнинахъ у рубежей Азіи и Европы, отодвинутая отъ сцены великихъ историческихъ

дѣлъ самую безпредѣльность и непріязненнымъ характеромъ своего пространства, она должна была слабо, испытывать притягательную силу начала, двигавшаго корпееями человѣчества, народами, стоявшими во главѣ всемірной образованности, или вовсе не испытываться. По этимъ же самымъ причинамъ, она не имѣла случая вначалѣ оказать ни одного изъ тѣхъ энергическихъ напряженій ума и воли, которыя вынуждаются столкновеніемъ съ дѣятелями, оспаривающими другъ у друга осуществленіе великой идеи. Сами ли пришли къ намъ Варяги, или были призваны — все равно: они не могли, или не успѣли дать первоначальнымъ славянскимъ элементамъ ни возбужденія, ни направленія, ни народной цѣли. Правда они привели ихъ въ броженіе, которое конечно должно было имѣть свои историческія послѣдствія; но эти послѣдствія не успѣли развиться изъ движенія, охваченнаго вдругъ новымъ вліяніемъ самымъ не ожидаемымъ и роковымъ — вліяніемъ Татарскимъ. При такихъ обстоятельствахъ у народа Русскаго способности его долгое время должны были оставаться, такъ сказать, не початыми; имъ неначемъ было изощряться, не въ чемъ было почерпнуть ни возбуждательной теплоты вопросовъ всенародныхъ и человѣческихъ, ни довѣрія къ самымъ себѣ. Онѣ испытывали только или силу гнета, или силу кон-

вильсивно раздражавшую. Такъ прошли вѣка. Мы не дерзаемъ и кто дерзнетъ сказать, что вѣка эти прошли безплодно для нашей умственной и нравственной будущности? Что было, то не могло быть безъ слѣдствій; жизнь не знаетъ ничего безплоднаго. Чѣмъ дѣятельнѣе и крѣпче тѣло, тѣмъ глубже сонъ его; но тѣмъ бодрѣе и могущественнѣе будетъ оно ощущать и проявлять жизнь, погрузившуюся на время въ мнимое уничтоженіе. То были вѣка страданій и умственного бездѣйствія — это неоспоримая историческая истина. Но духъ народный не умеръ. Что жъ онъ дѣлалъ? учился терпѣть и не страшиться страха. Что не гибнетъ въ бурѣ бѣдствій, то одарено великими силами, тому суждена доля великая, — и самое священное помазаніе на челѣ избранныхъ есть помазаніе несчастія. Россія позже чѣмъ, по видимому надлежало, начала развертывать свои нравственныя силы, позже явилась къ дѣлу науки, искусства и всемірной образованности; но чрезвычайная, усиленная дѣятельность, съ какою предстояло ей вознаграждать обиды судьбы и траты отъ промедленія, не входила ли также въ одно изъ условій экономіи человѣческаго рода, которое выполнить суждено ей? Новыя необычайныя событія, происшедшія изъ этого кажущагося нарушенія исторической симетріи, не даютъ ли исто-

ріш міра новаго особеннаго оттѣнка , необходимаго для гармоніи цѣлаго и самому народу не послужили ли они замѣною того возбужденія , какое другіе находили на обыкновенномъ , такъ сказать , логическомъ пути своей жизни ? Россія принуждена была принять и усвоить себѣ многое отъ другихъ ; но можетъ быть переработать , примирить и соединить разнородныя и противоположныя идеи и начала общественности , безъ фанатизма партій , кастъ и школъ ихъ породившихъ , безъ односторонняго увлеченія личными предразсудками , съ однимъ открытымъ , яснымъ и великодушнымъ стремленіемъ въ истинѣ и человѣчеству — можетъ быть это и составляетъ одну изъ задачъ нашего существованія . Наконецъ все случившееся съ нами , не было ли естественнымъ слѣдствіемъ основныхъ элементовъ нашей народности , которые , подобно року , вовлекають народы въ положенія необычайныя , неподлежащія никакому расчету , никакому предвѣдѣнію ? И между тѣмъ какъ въ этомъ актѣ выполняется повидимому только законъ естественнаго развитія слѣдствій изъ своей причины , въ немъ же содержится и залогъ того порядка вещей , какой составляетъ потребность исторіи . Но вотъ необходимость роковаго испытанія , или замедленія умственныхъ отправленій удовлетворена предъ судьбою — настала великая , торжественная минута

народнаго перерожденія. Изъ нѣдръ народа, въ лицѣ Державнаго Генія, возникло могущество съ идеями разума всемірнаго и характеромъ творческимъ, соединяющее въ себѣ нравственное превосходство съ политическою диктатурою, съ возможностью располагать средствами громадными и неистощимыми. Проникнутое трепетнымъ сознаніемъ опасности, какою угрожали обществу прѣзрѣнныя выгоды образованности, преисполнясь глубокою народностію не правовъ, а духа, преодолѣвшаго суровыя нравы, оно крѣпкое давно существующими хотя и невыказанными нуждами этой стихійной безсмертной народности, разбило вѣковыя преграды и вынесло, такъ сказать, на плечахъ своихъ изъ тѣсноты и мрака наши способности, нашу угнѣтенную, но живую нравственную силу, чтобы поставить ихъ лицомъ къ лицу со всѣми высшими задачами и цѣлями Исторіи. Такимъ-то необычайнымъ способомъ Россія вошла въ свою естественную сферу жизни; ее допустили съ почтеніемъ къ участию въ судьбѣ народовъ образованныхъ, но не по праву преданій, или памяти прежнихъ заслугъ, а единственно по праву ея дарованій, во имя блестящей будущности, не въ примѣръ другимъ. Сперва движеніе мысли у насъ въ наукѣ, въ литературѣ, въ обществѣ казалось шаткимъ и неопредѣленнымъ: ей недоставало ис-

торического происхожденія и матеріальной фактической опоры въ предыдущемъ порядкѣ событій. Фактъ удерживалъ бы ее въ границахъ, но въ тоже время служилъ бы ей твердымъ основаніемъ и убѣжищемъ отъ многихъ забужденій, съ которыми она встрѣчалась невольно въ своемъ беззаботномъ странствованіи. Но къ сожалѣнію она произошла не отъ фактической породы, а отъ породы идей, и ей надобно было еще пріобрѣсти себѣ руководителей и опоры въ самой жизни, въ вещахъ. Дѣйствительно, съ пробужденіемъ нашихъ способностей, нужды новаго неиспытаннаго существованія возрастали болѣе и болѣе; эти-то нужды должны были замѣнить для мысли нашей элементы историческіе, и сдѣлаться ея почвою. Это исполнилось. Мало по малу въ новомъ преобразованномъ обществѣ возникло множество человѣческихъ вопросовъ, множество отношеній, страстей, желаній, которымъ могла удовлетворять одна мысль. Политическая степень занятая государствомъ, участіе въ величайшихъ всемірныхъ событіяхъ, виды новаго законодательства, потребности новаго гражданскаго порядка — все это взывало къ мысли, требовало ея могучаго содѣйствія. Отвсюду объятая интересами жизни, она пустила въ нихъ свой корень, начала развиваться, дѣлаться образованностію самостоятельною. Откуда она пришла, чья она? Скоро перестанемъ

мы спрашивать о томъ : мы только будемъ гордиться ею , какъ нашимъ прекраснымъ достояніемъ , не смотря на разительное ея сходство съ фізіогноміей Европы и человѣчества. Изумительное, неслыханное явленіе, если мы сравнимъ настоящее съ прошедшимъ ! Между тѣмъ оно есть не болѣе, какъ возвращеніе народомъ того, что онъ случайно обронилъ въ суматохѣ пожаровъ и кровопролитій, или что у него украли враги и судьба. Если бъ можно было чему нибудь удивляться на земли , то не тому , что мы нынѣ , а тому , какъ могли мы съ нашими способностями, съ Славяно-Европейскимъ умомъ и сердцемъ такъ долго быть иными. Теперь не время предаваться пустымъ словопрѣніямъ о томъ, какую бы систему образованія слѣдовало намъ принять — она рѣшена и принята, не по совѣту теорій и волѣ людей, но по волѣ Промысла и непреодолимому влеченію національнаго генія. Мы дѣти Славяно-Руссовъ и Византіи ; отъ нихъ мы получили драгоценное наслѣдіе — нашу душу и жизнь души, святую православную вѣру; не менѣе того мы дѣти Петра. Онъ не создалъ въ насъ нравственной возможности быть тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось , потому что этого люди не созидаютъ. Онъ самъ напротивъ былъ Славяно-Руссомъ и сыномъ вѣры въ чистѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ. Но онъ первый глубокимъ

инстинктомъ генія понялъ основныя начала нашей народности, не смотря на грубую накипь варварства, паросшую на ней во вѣка Татарства; первый измѣрилъ наше нравственное могущество, первый увѣровалъ въ высокое его призваніе и голосомъ смѣлымъ, полнымъ симпатіи и надежды, воззвалъ его къ развитію и дѣятельности. По предметамъ, по цѣли, если угодно по фактамъ, это было новое и чрезвычайное событіе, которое исторія наша по справедливости называетъ реформою, переворотомъ; по внутреннему прагматизму мысли, это былъ естественный логическій шагъ нашей народности, задержанной въ своемъ ходѣ, но не измѣненной въ сущности ни Татарами, ни реформою. Она, эта гибкая, крѣпкая, энергическая, свѣтлоумная, аналитическая народность въ самой колыбели своей обречена дѣйствовать, какъ она дѣйствуетъ — обречена стерѣть съ лица земли двухъ завоевателей одного храброго, другаго величайшаго, брить бороду, носить модныя шляпки и фраки Парижа, читать Байрона, Шекспира, Гёте, Шеллинга и Гегеля, говорить языкомъ Карамзина, Жуковского, Пушкина, Крылова, имѣть Университеты, Академіи и Гимназіи. То, что при другихъ обстоятельствахъ могло бы произойти и явиться въ XV или XVI вѣкѣ, то явилось въ XVIII и XIX — вотъ всѣ разница! —

Многіе хотять видѣть въ дѣйствіи Петра Великаго какое-то насильственное событіе, выходящее какъ бы изъ естественной логики нашей Исторіи. Ни что не можетъ быть поверхностнѣе и слѣдовательно лживѣе этого мнѣнія. Нравственныхъ насильственныхъ переворотовъ не бываетъ, потому что всякое измѣненіе идей и чувствованій можетъ быть только плодомъ убѣжденія, а убѣжденія насильно не даютъ. Если мы измѣнились, то не насиліемъ Петра, а тѣмъ, въ чемъ Петръ насъ убѣдилъ неопровержимыми доводами — дѣлами и успѣхами. Мы измѣнились потому, что способны и должны были измѣниться. Но не такъ быстро, не такъ рѣшительно? Нѣтъ, непременно такъ. Подобныя дѣла не дѣлаются въ половину, съ раздумьемъ воли то увѣренной, то боязливой, потому что тутъ не была воля, а необходимость, почти роковое: *быть или не быть*. Всмотритесь внимательнѣе въ обстоятельства предшествовавшія Петру — вы увидите, что онъ возникъ столько же въ силу исторической необходимости, какъ и въ силу національнаго генія. Развѣ Россія Алексія, Θεодора и Софіи была ли Россіей Іоанновъ, Годунова и даже Михаила? Съ Іоанна III она уже находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Европою. Хотя сношенія эти были слѣдствіемъ болѣе текущихъ государственныхъ и общественныхъ

нуждъ , чѣмъ преднамѣренной системы сближеніе, однако жъ они не могли не вносить въ жизнь нашу новыхъ элементовъ. Разумѣется , элементы эти бродящіе и случайные, непокровительствуемые ни началомъ , ни убѣжденіемъ , неимѣющіе будущности , могли произвести болѣе замѣшательства, чѣмъ добра ; слишкомъ слабые для того , чтобы дѣйствовать животворно , они могли только отравлять спокойное бытіе невѣжества, а не изцѣлять его. При Алексѣѣ Михайловичѣ мы находимъ уже много иностранцевъ въ Россіи. Нѣтъ ничего печальнѣе, какъ эти съ одной стороны за деньги съ отвращеніемъ и презрѣніемъ предлагаемыя услуги, а съ другой ихъ неискусное и неловкое употребленіе. Но какъ бы то ни было, Россія впадала уже въ соблазнъ понятій и примѣровъ , которыхъ чуждалась ; въ глубокой умственной неподвижности , она была тревожима этимъ докучливымъ набѣгомъ поганныхъ иноземныхъ идей, которымъ сама того не замѣчая , уступала надъ собою вліяніе. Скоро явились двѣ новыя силы, какъ бы для того , чтобы взволновать наконецъ тяжелое , удрученное самымъ собою общество — Кіевъ и Никонъ. Кіевъ предсталъ съ самыми благовидными дарами — съ дарами науки , которую онъ скромно воздѣлывалъ въ стѣнахъ своей Академіи по схоластическимъ понятіямъ. Это было

важнымъ событіемъ для тогдашняго общества. Оно увидѣло вдругъ предъ собою хитро сложенную машину, для добыванія и обработки мыслей — науку. Дѣйствительно это была машина, которую съ успѣхомъ могли бы употребить люди до того уже обогащенные матеріалами знанія, что слѣдовало позаботиться о формѣ, о его устройствѣ и администраціи. Этого не было — и потому то надлежало бы начать не съ однихъ формъ, но съ возбужденія духа; надлежало бы воскресить въ умахъ то симпатическое сочувствіе къ знанію, которое такъ свойственно человѣческой и русской натурѣ и которое дѣйствуетъ сперва темно и шатко, но наконецъ возрастая постепенно, принимаетъ ученіе, чтобъ сквозь сердце, перелить его въ умъ. Нужно было коренное и всеобщее потрясеніе умовъ — нужно было движеніе, сила, блескъ, чтобъ поразить ихъ, пробудить и заставить бѣжать изъ логовищъ вѣковаго мрака на встрѣчу свѣта и дня. Между тѣмъ, что передъ ними было? Скелетъ безъ души и жизни, способный своимъ неестественнымъ движеніемъ устроить людей болѣе мужественныхъ и опытныхъ въ предметахъ умственныхъ чѣмъ тѣ, съ которыми приходилось имѣть дѣло этой трудолюбивой, благонамѣренной и полезной, но тощей и убогой наукѣ. Что жъ сдѣлала она для Русскаго общества? Отчасти ничего не сдѣлала, а отчасти

поссорила съ знаніемъ здравый Русскій умъ , который можно обмануть дѣлами , но не идеями. Этого не довольно. У насъ оставался языкъ — важный, сжатый, благолѣнный, языкъ вѣры, образовавшійся и созрѣвшій въ духѣ великихъ истинъ, которыя призванъ былъ возвѣщать и хранить; другой языкъ , возникшій изъ перваго , но переработанный народнымъ умомъ и чувствомъ , получившій отъ нихъ ихъ неувимую гибкость , ясность , пластицизмъ и простоту. Мы имѣли еще языкъ слитый изъ обоихъ предыдущихъ , языкъ государственныхъ нуждъ , дипломатіи безъ утонченной и лживой хитросплетенности, законовъ безъ обоюдности значеній, съ формами строгими и точными , выговаривавшій волю законодателя безъ шатости и необходимости договаривать ее — языкъ воззванія властей къ народу, исполненный трогательнаго краснорѣчія и царственнаго величія. Что сдѣлала изъ нихъ Кіевская Наука? Перемѣшала ихъ, набросала въ нихъ полонизмовъ, перелила въ тяжелыя латинскія формы и подкрасивъ все это схоластическою риторикою , составила языкъ новый, которому не можетъ быть мѣста ни въ наукѣ, потому что онъ темень, какъ незнаніе, ни въ литературѣ, потому что онъ неспособенъ правиться и увлекать, какъ истинное безобразіе, ни въ жизни, потому что искусственъ и неестественъ, какъ синекдоха и хрія.

Но вотъ на сценѣ Никонъ. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ нашей исторіи, съ чертами рѣзкими, съ физиогноміей дышущей сознаниемъ личной воли, умъ парящій замыслами, по выраженію поэта. Мы мало изучали эту энергическую душу, созданную для того, чтобъ властвовать, воздвигать бури и не бояться ихъ, — а она стоитъ изученія. Потребность возстановленія текста въ священныхъ книгахъ, повреждавшагося въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій переписки, давно чувствовали всѣ мыслящіе люди. Этотъ духъ критицизма, внушаемый самою чистотою Божественнаго ученія, робко проглядывалъ въ убѣжденіяхъ, не переходя въ рѣшеніе и мѣру. Никонъ влеченіемъ упругой своей воли никогда неостанавливавшійся на половинѣ пути, мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ превратилъ въ вопросъ общественный и чего желали, чего боялись многіе, онъ совершилъ къ чести своего времени. Ничто не можетъ быть проще и сообразнѣе съ разумомъ вѣры, какъ это возвращеніе къ истинному и ясному значенію писанія, предпринятое и освященное самымъ авторитетомъ Церкви. Мы знаемъ, однакожъ, какъ подѣйствовалъ этотъ благородный открытый, просвѣщенный подвигъ на грубую массу народа, который, по характеру своего ума, способенъ понять и оцѣнить всякую ясную и правдивую

мысль, но который теперь враждовалъ противъ самой очевидной истины, потому что его прекрасный, свѣтлый умъ отяжелѣлъ, отуманился отъ бездѣйствія, требовалъ возбужденія и не находилъ его. Возникли цѣлыя ученія, болѣе или менѣе нелѣпыя, болѣе или менѣе удалявшіяся отъ святаго и великаго единства религіознаго, въ которомъ издревле сотредоточивались умы и сердца русскіе; пришли въ нестройное движеніе не только идеи, но страсти и взволновали цѣлое современное общество, угрожая будущностію столь же тревожною и сомнительною.

Между тѣмъ какъ такимъ образомъ все перемѣнялось, или лучше сказать, запутывалось на высотѣ общественныхъ понятій и вѣрованій, изъ нѣдръ матеріальной силы народа возникало чудовище дикое и свирѣпое, съ жаждою крови, вина и денегъ, соединявшее въ своемъ звѣрскомъ брадатомъ лицѣ всѣ ужасы, всѣ пороки, весь осадокъ, татарскаго элемента — мы говоримъ о стрѣльцахъ. Владѣя пищальною, не какъ благороднымъ оружіемъ, а какъ дреколіемъ, нестройное и чуждое успѣхамъ своего ремесла, это сословіе трусливое передъ непріателемъ и храброе только предъ мирными гражданами, вдругъ захотѣло свою неистовую волю поставить въ число первенствующихъ общественныхъ началъ. Къ полному несчастію этой бурной эпохи

именно не доставало только, чтобы къ броженію понятій и нравственной огрубѣлости присоединилась физическая сила съ поползновеніемъ участвовать въ общемъ волненіи. Это несчастіе свершилось. Стрѣльцы не только захотѣли участвовать въ немъ, но рѣшать жребій царства.

Такой-то порядокъ, или лучше сказать, безпорядокъ вещей сложился въ Россіи передъ самымъ появленіемъ Петра Великаго. Это было, если угодно, движеніе; но какое? это не было движеніе развитія, возрастанія, обѣщающаго естественный цвѣтъ и плодъ, а судорги встревоженной суровой силы, которую раздражили дотрогиваясь до нее истиною, новыми понятіями и полумѣрами. Гдѣ тѣ историческія начала, которыя бывъ рождены вмѣстѣ счастливыми умственными инстинктами народа и вліяніемъ событій всемірныхъ, подчинили бы себѣ мысль его и возбуждая и въ то же время направляя ее, ручались бы за результаты логическіе, существенные, проникнутые столько же смысломъ разума, сколько и самобытные? Гдѣ эпоха взростившая, взлелеявшая сѣмена науки и художества, чтобы будущее могло наслѣдовать и продолжать ихъ святое дѣло, недопуская въ общество, на мѣсто ихъ, дикихъ пороковъ невѣжества, униженія, равнодушія къ чувству личной чести, къ святости договора, неуваженія къ законности, про-

тивъ чего нѣтъ другой защиты, кромѣ образованности? Наше прошедшее — оно богато великими силами, неизнемогшими въ цепяхъ, среди позора, развалинъ, пожаровъ и потоковъ крови — тамъ залоговъ великаго будущаго въ средствахъ нашего народнаго генія, тамъ возвышаются достославные монументы то смиреннаго терпѣнія, то отчаянной борьбы за жизнь — но увы! между звеньями цепи татарской не было ни одного, отъ коего бы можно было начать рядъ гражданскихъ и умственныхъ успѣховъ. Правда, на самомъ краю горизонта въ отдаленномъ сумракѣ Варяго-русскихъ временъ, мерцала частица прошедшаго съ Славяно-Европейскимъ развитіемъ и дѣятельностію Новгорода, съ героями этаго сумрака, по выраженію Карамзина — Владиміромъ и Ярославомъ; но между этимъ прошедшимъ и предъ-Петровскою эпохою легла страшная бездна; историческія нити его, за которыя тогдашнему настоящему слѣдовало бы ухватиться, были порваны и концевъ ихъ никто не могъ бы отыскать тамъ, куда они упали. Между тѣмъ бурные смуты этой эпохи вели къ рѣшительнымъ и важнымъ переменамъ — мы видѣли это. Все показывало невозможность ни перейти назадъ за рубежъ настоящаго, ни оставаться на шаткихъ основаніяхъ послѣдняго. — Россія безъ Петра Великаго исполняла всеобщій законъ жизни — она

измѣнялась; у колыбели его она уже была Россіей съ шаткими иностранными понятіями, съ схоластикой, ересями, стрѣлецкими бунтами, взволнованная, испуганная, потрясенная въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій — словомъ созрѣвшая для кризиса.

Спрашивается, что долженъ былъ бы сдѣлать тотъ, на чью отвѣтственность Провидѣніе взложило бы бодрствовать надъ судьбою царства въ этотъ роковой моментъ и спасти его? Положимъ, что это не былъ бы геній, увлеченный непреодолимымъ инстинктомъ своего развитія, дѣйствующій по вдохновенію, хотя впрочемъ законное мѣсто генія и есть среди такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Положимъ, что это былъ бы простой здравый умъ, ясно однакожъ понимающій состояніе дѣлъ, удостовѣренный, что они остаться такъ не могутъ, побуждаемый къ мѣрамъ двоякою необходимостію, — необходимостію вещей и своего положенія. Чтобы онъ сдѣлалъ? Не долженъ ли бы онъ былъ продолжать начатое судьбою и требуемое ею измѣненіе? Но по какимъ началамъ? Безъ сомнѣнія по тѣмъ, которые могли бы въ одно время и обуздать дикія физическія страсти и открыть народному генію неизмѣримое поприще развитія и усовершенствованія, къ которымъ онъ способенъ, какъ истинный Славяно-Европейскій геній. Гдѣ

же бы онъ нашелъ ихъ? Конечно не въ Азіи, не въ разбойничьемъ Татарскомъ станѣ, не въ историческихъ опытахъ и покушеніяхъ, потому что это начала человѣческой образованности, науки, искусства, всѣхъ успѣховъ гражданскихъ, а ихъ тамъ не было. Одна Европа могла передать ихъ намъ, потому что имѣла ихъ и жила ими. Народу христіанскому прилично было принять нравственное пособіе только изъ рукъ христіанскихъ; народу, призванному къ дѣятельности всемірной, нелѣпо было бы прятаться отъ человѣчества, отъ его призыва, опытовъ и уроковъ за китайскими стѣнами своихъ обычаевъ и правовъ. Напротивъ надобно было бодро, весело, смѣло, какъ свойственно Русскимъ, идти на встрѣчу новой зовущей его судьбѣ. Что за важность, еслибы даже для облегченія на этой дорогѣ, пришлось бросить нѣкоторыя изъ старинныхъ привычекъ, надѣть новое платье, выбрить бороду, пить для подкрѣпленія силъ чай и кофе вмѣсто охмѣляющаго питья, отдыхать отъ трудовъ въ опрятныхъ и удобныхъ домахъ, вмѣсто дымныхъ логовищъ? Стоитъ ли это дѣтскаго малодушнаго сѣтованія? Развѣ все это могло помѣшать намъ быть Русскими, любить нашу святую вѣру, государей нашихъ и отечество, и умирать за нихъ, когда нужно? Насъ ожидало столь великое дѣло, что оно стоило даже пожертвованій.

Мы увѣрены, что простой здравый умъ не могъ бы иначе разсуждать, смотря на состояніе вещей въ эпоху предъ-Петровскую, и еслибъ, какъ мы сказали прежде, ему ввѣрена была судьба народа, онъ не могъ бы не покориться влеченію событій; онъ повелъ бы народъ по новому пути — и погубилъ бы его, потому что простымъ обыкновеннымъ умомъ нельзя совершать подобныхъ дѣлъ. Таково было состояніе правовъ и обстоятельствъ, что предпринявъ систематически наклонять ихъ къ новымъ началамъ и переходя отъ одного измѣненія къ другому, надлежало наконецъ прійти къ тѣмъ рѣшительнымъ и неожиданнымъ слѣдствіямъ, гдѣ среднія мѣры уже недѣйствительны, гдѣ надобно устремиться къ крайности, чтобъ избѣжать противуположной, гдѣ надобно отважиться на все, чтобъ довершить, потому только что начали. Когда Провидѣніе изъ потрясенныхъ основаній прежняго, изъ чрезвычайнаго боренія жизненныхъ стихій хочетъ извлечь новую цвѣтущую жизнь, Оно посылаетъ своего уполномоченнаго — генія, и даетъ ему право и силу дѣйствовать способами необычайными, приводящими въ трепетъ и недоумѣніе умы навыка и рутины. Оно послало Россіи Петра. Но Петръ ничего не сдѣлалъ бы безъ тайнаго сочувствія народа къ новому порядку вещей, который справедливо называютъ Петровскою рефор-

мой, если думаютъ, что безъ него онъ бы не существовалъ и крайне не справедливо, если вѣрятъ, что онъ его изобрѣлъ и создалъ.

Говорятъ, что Петръ Великій ослабилъ нашу народность. Какая клевета на него и на Россію! Что за народность, которую воля одного человѣка могла въ продолженіи четверти столѣтія ослабить своими учрежденіями? Неужели она состояла въ оцепененіи духа, въ невѣжествѣ, чуждавшемся всякихъ успѣховъ науки, искусства и гражданственности, въ грубыхъ азіатскихъ обычаяхъ, въ ожесточеніи нравовъ, съ чѣмъ Петръ Великій велъ такую достославную и побѣдоносную борьбу? Нѣтъ! это не была народность наша, это было искаженіе ея. То, что составляетъ вѣчную сущность и святыню ея — нашъ умъ, наше сердце никогда изъ собственныхъ нѣдръ не могли родить этихъ змѣй, высасывавшихъ въ самомъ корнѣ живительныя соки, — надежду роскошнаго цвѣта и плода. Ихъ родило и воспитало горькое рабство постигшее насъ въ тѣ смутные дни, когда юные и неопытные, мы не научились еще владѣть и пользоваться нашими силами. Избавить насъ отъ злополучныхъ остатковъ этого рабства, возвратить насъ наукѣ, искусству, совсѣмъ ихъ безмѣрными слѣдствіями, возвратить Европѣ, человѣчеству, самимъ себѣ значило возстановить нашу народность. — Пусть

же уста наши не произносятъ имени Петра Великаго иначе, какъ съ жаркою любовью, съ молитвеннымъ благоговѣніемъ въ сердцѣ: онъ есть истинный возстановитель нашей народности.

И такъ къ чему умствовать суетно и бесплодно о будущихъ судьбахъ Россіи, которыхъ нѣтъ въ предѣлахъ нашего знанія конечно потому, что онѣ будущія? Будущность наша велика — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но она должна быть предметомъ патріотической вѣры въ нашемъ сердцѣ и источникомъ всякаго умственного и гражданскаго воодушевленія, а не основаніемъ выводовъ для практическихъ ежедневныхъ приложений. Къ чему также вопреки самымъ великимъ судьбамъ будущаго, обращаться вспять къ такому прошедшему, которое можетъ служить урокомъ для жизни, но не дѣятелемъ ея? Наше настоящее, можетъ быть, обильнѣе нуждами, требующими постоянныхъ успій ума, чѣмъ настоящее другихъ; оно имѣетъ свой характеръ, котораго нельзя изъяснить общими историческими мѣстами; по своей чрезвычайности, оно не подходитъ подъ ихъ обыкновенныя категоріи и формулы. Мы народъ новый въ исторіи всемірной умственной дѣятельности — вотъ истина столь же простая, сколь и важная для насъ. Мы должны не продолжать, но начинать; наше богатство не въ наслѣдствѣ, а въ собственной ра-

зумной дѣятельности, для которой небо щедро надѣлило насъ способностями. Въ нихъ то, въ этихъ прекрасныхъ способностяхъ наша твердая опора и наши драгоцѣннѣйшія надежды на поприщѣ знанія и искусства. Всѣ патріотическія идеологіи должны умолкнуть предъ существенными патріотическими интересами, которые можно выразить двумя словами: *наука и трудъ*. Мы немного успѣли еще въ той и другомъ. Но въ какомъ духѣ должны мы учиться и трудиться? Вопросъ странный! какъ будто духъ зависитъ отъ выбора людей. Онъ есть духъ вѣка, духъ нашихъ вѣрованій, нашихъ общественныхъ нуждъ, сердечныхъ обѣтовъ и желаній, духъ нашей славы и самобытности. Ему трудно заглянуть въ лице. Онъ увлекаетъ насъ своею неотразимою силою быстрее, чѣмъ мы проносимъ слово: *хочу*, и прежде чѣмъ мы успѣли примѣтить его власть надъ нашими понятіями и чувствами, онъ ужъ властвуетъ; ему не нужно нашего признанія, потому что онъ царствуетъ по праву, потому что онъ духъ убѣжденія и эпохи, а не выдуманный духъ касты или ученой системы. Онъ не требуетъ повиновенія себѣ, потому что его имѣетъ; онъ требуетъ для насъ т. е. для избавленія насъ отъ донъ-кихотства, вмѣстѣ съ повиновеніемъ, существенныхъ услугъ, а не грезъ и восклицаній — и за первыя онъ платитъ только

удостоивая ихъ принять, а за вторыя ничѣмъ, если невниманіе должно принять за ничто въ такомъ дѣлѣ, гдѣ желаютъ чего то.

Утвердившись посреди настоящаго въ этой точкѣ зрѣнія на нашу умственную жизнь и дѣятельность, мы конечно не прозримъ въ наше будущее; но то неоспоримо, что мы лучше поймемъ прошедшее. Положимъ, что разоблаченное знаніемъ нелицепріятнымъ и безпощаднымъ до наготы своей, оно разрушитъ сладкія мечтанія, потрясетъ системы, теоріи и утопіи наши въ самомъ ихъ основаніи; за то оно дастъ намъ истину, которая всегда составляетъ самое великое, драгоцѣнное и самое плодоносящее пріобрѣтеніе. Только на истинѣ можно основать что либо дѣйствительное. Нельзя вынудить у прошедшаго ни началъ, ни свидѣтельствъ, которыхъ не понесло оно въ чревѣ своемъ; насиліемъ мы потеряемъ только и то, что слѣдовало бы взять по праву. Какая польза въ томъ, что то-то могло, то-то хотѣло быть, когда не было, когда оно не успѣло родиться, не превратилось въ дѣйствующую силу, въ историческій рычагъ, подъемлющій, или подвигающій событія? Оно только можетъ изобличать въ духѣ народа или общества присутствіе высокой, благородной, прекрасной стихіи, нравственную возможность истинно человѣческаго развитія — да кто жъ въ этомъ

и сомнѣвается? Генію нашему предстоитъ широкое поле умственныхъ подвиговъ и славы; на челѣ его печать могущества; его физіогномія оттѣнена чертами не монгольскаго типа; благородная, открытая, умная, живая она дышетъ жаждою знанія и творчества. Пусть же онъ мыслить и трудится, трудится и мыслить; пусть не чуждается ни одного усилія, ни одного стремленія, ни одного успѣха ума человѣческаго, гдѣ бы они ни приняли историческое свое бытіе, но пусть испытываетъ ихъ упорно и горячо въ горнилѣ собственнаго свѣтлаго, аналитическаго ума; пусть продолжаетъ ихъ или оставляетъ, но всегда съ жаждою усовершенствованія, съ правдивою готовностію признать всякую чужую заслугу и съ благороднымъ соревнованіемъ заплатить за нее человѣчеству изъ сокровищницы собственныхъ опытовъ и труда. Тогда мы наше настоящее сдѣлаемъ для потомства такимъ прошедшимъ, котораго уже не надобно будетъ раскрашивать фантастическимъ колоритомъ: въ немъ будетъ живая, нетлѣнная, историческая красота дѣлъ.

Но у насъ людей современности есть также свое прошедшее, драгоцѣнное, какъ слезы матери, которыя пролила она въ дни скорби надъ нашею колыбелью, какъ доступная Богу ея молитва за насъ, какъ слѣдъ тяжелой работы на ея патріар-

хальныхъ рукахъ, которыми добывала она среди
горя и страданій насущный хлѣбъ, насъ вскор-
мившій, какъ святое благословеніе, напутствовавшее
насъ при разлукѣ, къ лучшему жребію. Мы съ
любовію пріймемъ это прошедшее въ нашъ умъ и
сердце. Если оно разочаровываетъ насъ въ одномъ,
за то представляетъ намъ много другихъ суще-
ственныхъ благъ. Его должно изучать глубоко,
неутомимо и мудро. Исторія Литературы обязана
это дѣлать въ своей области столько же, сколько
ея сестры, другія исторіи съ своей. И вотъ предъ
нами первая обширная половина прошедшаго; ру-
бежемъ ея служатъ геркулесовы столпы, воздвиг-
нутые гигантскимъ могуществомъ Петра, чтобъ
остановить и обратить вспять наводнившія насъ
волны Востока. Въ этомъ пространствѣ времени
мысль народная не обнаруживаетъ въ себѣ жизни
развитія: она не вырабатываетъ великихъ всече-
ловѣческихъ идей истиннаго и изящнаго напря-
женнымъ постояннымъ инстинктомъ, не очищаетъ,
не доводитъ ихъ до степени опредѣленныхъ во-
просовъ созрѣвающимъ сознаніемъ своихъ силъ.
Но она берегаетъ чистоту первоначальнаго своего
образованія, непреложная основы своей натуры и
самобытности. Подъ святою хоругвіей Іисуса Хри-
ста, она цѣломудренно и ненарушимо соблюдаетъ
для насъ въ своемъ нетронутомъ лонѣ эту Славяно-

Европейскую силу анализа, который все испытуетъ, все изучаетъ, сокрушаетъ покушеніе синтезиса и своевольной фантазіи овладѣть знаніемъ и миритъ науку и искусство съ дѣйствительностію. Она соблюдаетъ для насъ свою дивную способность разширенія и охвата, мѣткость удара попадающаго прямо на существенныя стороны вещей, свою гибкость доступную всѣмъ интересамъ разумности, всѣмъ вліяніямъ прекрасныхъ, благородныхъ порывовъ сердца, свою смѣлость играющую опасностями, быстроту незнающую хилаго раздумья, когда надобно рѣшаться, свой, если угодно, шаловливый и лукавый юморъ, способный нелѣпствовать съ умисломъ и важничающее смѣшное обнажать несмѣясь. Наконецъ она соблюдаетъ для насъ возможность обновленія и перерожденія — возможность Петра. — Въ допетровскомъ пространствѣ времени мы увидимъ также какъ народная мысль свидѣтельствуется о своемъ бытіи и неизмѣняемомъ характерѣ, то непрерывнымъ родомъ дѣписаній и живымъ отношеніемъ своимъ къ современной дѣйствительности, напр. въ словѣ о полку Игоря, то ярко и смѣло накиданными чертами поэтическихъ образовъ въ сказочномъ эпосѣ, то глубокими, иногда мощными и зловѣщими, иногда умирительно тихими и кроткими звуками сердца въ лирикѣ. Мы увидимъ какъ мысль угнѣтаемая и скорбная

подъ свинцовымъ погломъ вѣковъ медлительныхъ и
и суровыхъ, питалась и находила утѣшеніе въ вы-
сокихъ твореніяхъ отцевъ и учителей церкви;
какъ она полная ихъ отраднаго и святаго наптія,
не рѣдко переносили и образъ воззрѣнія ихъ на
вещи и языкъ въ свои сказанія о судьбѣ отече-
ства (*). Намъ встрѣтятся здѣсь и тѣ государ-
ственные акты, которые вмѣстѣ съ выраженіемъ
высшихъ потребностей эпохи, заключаютъ въ себѣ
не рѣдко страницы истинно изящнаго народнаго
краснорѣчія. Его не называютъ ораторскимъ мо-
жетъ быть только изъ преувеличеннаго уваженія къ

(*) Изъ этого однакожъ читатели наши не должны заключать,
что въ опытѣ Исторіи Русской Литературы мы будемъ неумѣренно
касаться тѣхъ высокихъ произведеній писанныхъ на Церковно-
Славянскомъ языкѣ, которые или непосредственно заимство-
ваны изъ писаній Св. Отцевъ Восточной Каѳолической Церкви,
или относятся къ предметамъ Православнаго Христіанскаго
Богословія, и утверждаются на непреложныхъ догматахъ вѣры.
Такихъ произведеній у насъ много; но они принадлежатъ дру-
гой высшей исторіи, исторіи развитія и успѣховъ христіанства
въ нашемъ отечествѣ, или Исторіи Церкви, а не той, которая
стремится объяснить ходъ народной мысли въ твореніяхъ
слова ея самою воздвигаемыхъ. Мы занимаемся дѣломъ мір-
скимъ, твореніемъ человѣческимъ и не дерзаемъ подвергать
нашему изслѣдованію того, что истекаетъ изъ святыхъ источ-
никовъ Откровенія. Такой подвигъ принадлежитъ людямъ при-
званнымъ и уполномоченнымъ Церковію, а не повѣствователю
свѣтской нашей Литературы, которому позволено только развѣ
говорить о благотворномъ дѣйстви, какое производили на умы
народа духовныя произведенія нашей Церковно-Славянской
письменности. *Прим. Автора.*

формѣ, тогда какъ по духу его и дѣйствию оно вполне проникнуто ораторскими стихіями. Всѣ эти памятники минувшаго представляютъ намъ болѣе матеріалы для картины одного общаго объема, чѣмъ предметъ повѣствованія: мы мало имѣемъ историческихъ средствъ расположить ихъ по эпохамъ въ хронологическомъ порядкѣ. При томъ же всѣ почти они ознаменованы однимъ и тѣмъ же духомъ и направленіемъ, которые указываютъ на неизмѣняемость мысли народной въ допетровскій періодъ времени. Тѣмъ не менѣе картина, въ которой группируются подобныя явленія внутренней жизни, имѣетъ для насъ высокую цѣну. Въ ней мы почерпаемъ великое народное убѣжденіе, что стремясь къ цѣлямъ новымъ, сообразнымъ съ нашимъ положеніемъ, иное любя, иного желая и надѣясь, чѣмъ наши предки, мы можемъ и должны дѣйствовать только ихъ умомъ и сердцемъ: этотъ умъ и сердце столько же наши, сколько и ихъ; они вѣчное достояніе Россіи отъ Рюрика до послѣдней ея минуты, если, по выраженію Карамзина, на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой.

Вотъ важное значеніе и важный интересъ первой половины исторіи нашей Литературы. Значеніе ея и интересы постепенно возрастаютъ въ періодъ послѣ Петра Великаго. Здѣсь она является намъ

въ томъ характерѣ, какой обыкновенно слѣдуетъ изъ жизни развитія — въ характерѣ строгой прагматической послѣдовательности. Съ каждымъ шагомъ значеніе ея быстро расширяется такъ, что совпаденіе ея съ значеніемъ исторіи всемірнаго образованія уже не есть предчувствіе, а очевидность. Съ той самой минуты, когда Россія ощутила въ себѣ новое начало жизни — начало всеобщее — человѣческое, когда оно повлекло ее за собою на арену всемірной дѣятельности, съ той самой минуты мысль начинаетъ принимать на себя права своего сана, предъявляетъ громко свои непреложныя требованія, задачи истиннаго и изящнаго вносить въ систему общества и существованіе Литературы, какъ искусства и какъ силы общественной, становится неизбѣжнымъ. Государство постигло могущество этого новаго элемента народной жизни и мудро поспѣшило принять ее, какъ все существенное, какъ дѣятеля подъ свою охранительную сѣнь. Конечно путь ея не розами и лаврами былъ усѣянъ; ей предстояло завоевать свое мѣсто въ странѣ, гдѣ все самостоятельно-умственное было такъ ново и неожиданно; ей предстояло покупать вліяніе свое на общество цѣною не однихъ жертвъ, но и ошибокъ, которыя были слѣдствіемъ то недоразумѣній того же самаго общества, то недостатка его сочувствія, то положенія

еще шаткаго и такъ мало ему знакомаго. Не смотря на все это, Литература послѣдовательно, логически переходя отъ одной степени къ другой, отъ измѣненія къ измѣненію, отъ неудачъ къ успѣху, проникала глубже и глубже въ умственные и нравственные интересы людей, въ новыя ихъ нужды, укрѣплялась въ нихъ корнями своими, обогащала ихъ своими внушеніями, сама обогащалась ихъ стихіями и готовила въ тишинѣ свой прекрасный цвѣтъ и плодъ. Сперва казалось, что она разбирала и раскладывала передъ собою въ симметрическомъ порядкѣ однѣ формы, переданные ей Европою, любовалась ими, какъ приходящее въ силу дитя игрушками, пробовала слагать свои не заботясь о содержаніи, не думая, что ей предстоитъ имѣть дѣло съ жизнію, а не съ куклами. Это направленіе можно назвать *художественно-формалистическимъ*. Оно начинается съ Ломоносова (какъ поэта и ритора) и продолжается до Карамзина. Сильно и много порицали нашу Литературу за нелѣпое направленіе въ это время, за ея рабскую подражательность и проч. Намъ кажется подобный приговоръ не только слишкомъ строгимъ, но и несправедливымъ, впрочемъ онъ несправедливъ уже, потому что слишкомъ строгъ. Во первыхъ, всякое естественное состояніе вещей, не есть нелѣпость, а историческая истина, имѣющая свой

смыслъ и свое значеніе. Прилѣпленность наша къ формамъ въ первыя минуты умственного пробужденія, была столь же естественна, какъ и Ѡалессова философія у Грековъ, отыскивавшая первое зиждительное и движущее начало жизни въ грубомъ веществѣ — въ водѣ. Развѣ это не нелѣпость для насъ и не мудрость для тѣхъ временъ, предполагавшая уже единство начала и развѣ Сократъ и Платонъ существовали бы безъ Ѡалеса, Гераклита, Эмпедокла и проч.? Не должно забывать, что мы народъ новый на поприщѣ умственной дѣятельности. Напрасно въ нашемъ умственномъ развитіи, особенно со времени Петра Великаго, хотятъ видѣть какое-то отсутствіе логики; мы со всѣмъ не исключеніе изъ общаго порядка вещей — мы просто добрый, умный народъ, способный сдѣлаться великимъ во всемъ и въ умственномъ мірѣ, если не устанемъ мыслить и учиться, учиться и мыслить. Мы бывали въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, но чрезвычайное не есть еще ни чудесное, ни невозможное — а только чудеса и невозможности выходятъ изъ общаго порядка вещей. Сумароковъ писалъ драмы, которыхъ теперь и не играютъ и не читаютъ; но его драмы неизмѣримо выше драмы о Блудномъ сынѣ, о Новуходоносорѣ и проч. и это было уже великимъ шагомъ на поприщѣ разума, когда начали уважать

манеру и методу разума, хотя и не возвышались до его идей. Третьяковского осмѣиваютъ безусловно и какъ поэта, и какъ ученаго; поэтъ онъ былъ бездарный и нелѣпый — справедливо. Однакожь это былъ первый у насъ филологъ, котораго изслѣдованія объ отечественномъ языкѣ болѣе дѣлаютъ чести его времени, чѣмъ недавнія прѣнія объ орфографіи нашему. Онъ перевелъ Ролленеву исторію — передъ этимъ особенно въ нашу стереотипную эпоху, подобно преклониться съ благоговѣніемъ, а не восклицать: «какое смѣшное труженичество!» Во вторыхъ, что касается до подражательности, мы также не видимъ причинъ къ безотчетному негодованію. Народы, какъ и недѣлимые, учатся другъ у друга и начинаютъ съ подражанія. Чтожь тутъ ужаснаго? Это было переходное, столь же неизбѣжное и естественное состояніе, какъ и страсть ко всему виѣшне-изящному; его основаніе лежитъ въ предъидущихъ темныхъ вѣкахъ; но оно должно было пройти, оно прошло уже, если не въ фактахъ еще, такъ въ сознаніи и убѣжденіи. Между тѣмъ не должно забывать, что и въ этомъ стѣснительномъ промежуткѣ времени Литература наша уже понимала свое важное призваніе — быть силою и дѣятелемъ въ нравственномъ русскомъ мірѣ. Она уже понимала инстинктивно, что ее усыновляетъ свѣтлый русскій умъ, кото-

раго нельзя удовлетворить восточными фантазмагоріями вымысловъ, гипперболами и символами, которому нужно знаніе стройное и опытное, искусство вѣрное дѣйствительности и истинѣ, аналитическое искусство. Посмотрите на Кантемира, на великаго Ломоносова какъ на писателя вообще, на Фонъ-Визина, на могучаго Державина, на вѣнценосную писательницу, которая царствовала какъ великій монархъ и поучала своихъ подданныхъ, какъ мать и мудрецъ: — ужели они не поразятъ васъ вѣрностію своихъ литературныхъ цѣлей и мѣткостію взгляда на потребности времени? Неудивительно ли, что несмотря на притѣснительное господство формы, они такъ живо сочувствовали двумъ вопіющимъ нуждамъ общества — нуждѣ въ распространеніи возвышенныхъ общечеловѣческихъ вѣрованій и идей и очищенію народныхъ нравовъ отъ закоснѣлыхъ предразсудковъ? Выспреннее лирическое рвеніе ко всему благородному, достославному и сатира — это направленіе, усвоенное себѣ всѣми свѣтлыми тогдашними умами, было самымъ существеннымъ и приличнымъ для эпохи. Немного позже является Карамзинъ — Литература получаетъ новый языкъ, т. е., она беретъ изъ богатаго хранилища живаго Русскаго слова, его простую и мощную логику, его ко всему способные, на все готовые обороты и чрезъ нихъ, какъ

чрезъ электрическую цѣпь, бросаетъ въ самыя нѣдра общества животворныя идеи истиннаго и изящнаго; она связываетъ симпатическими узами чувство если не всѣхъ, то уже многихъ съ высшими задачами разума. Тутъ нѣтъ еще сочетанія съ духомъ и потребностями народа; но общество перемѣняетъ свое положеніе; оно перестаетъ уже быть лицомъ страдательнымъ въ отношеніи къ Литературѣ; оно не видитъ уже въ ней могущества, насильно къ себѣ притягивающаго, болѣе изумительнаго по своей новости, чѣмъ привлекательнаго по вліянію. Оно начинаетъ ее желать, оно само идетъ къ ней на встрѣчу, и въ замѣнъ ея возвышенныхъ влеченій, предлагаетъ ей свои воодушевляющія нужды, энергію своихъ движеній, свой языкъ. Мало по малу образуется высокій союзъ между идеями и дѣйствительностію, союзъ, обѣщающій однѣмъ — исторію, другой — разумность. Форма продолжаетъ еще стѣснять мысль; но она сама совершенствуется, становится менѣе школьною, болѣе общественною, изящною и художественною. Она образуетъ въ умахъ эстетическое настроеніе, которое должно поглотить все грубое, грязное и неблагородное въ нравахъ. Трагедіи Озерова, стихотворенія Дмитріева уже блистаютъ высшими, утонченными красотами образовъ и красокъ. Дмитрій Донской есть произведеніе невѣрное

по духу и содержанію; однакожь оно было Тиртеевскимъ гимномъ чести предъ лицомъ тогдашнихъ грозныхъ событій. Весь этотъ моментъ въ нашей Литературе можно назвать: моментомъ сочетанія ея съ обществомъ и очищеннаго формализма. Между тѣмъ народная мысль находитъ доступъ и сюда; въ лицѣ Крылова совершенно русская, утаивая себя подъ скромною формою басни, она изобличаетъ однакожь всю гибкость и простоту своего механизма, всю оригинальность своей проны, всю тонкость своихъ наблюденій и всеподмѣчающую проницательность своего взгляда на вещи. Какое предзнаменованіе блистательной литературной будущности! Возникаетъ XII годъ, полный крови, бѣдствій и славы — эпоха, равняющаяся своимъ значеніемъ и слѣдствіями только эпохѣ Петра Великаго. Въ его трагически-величавой бурѣ умы сотрясаются съ себя послѣдніе слѣды вѣковаго сна; чувство народной самобытности возбуждается великостію жертвъ и торжествомъ успѣха. Литература не смѣетъ уже заниматься однѣми формами; глубокое значеніе событія, прикрѣпило ее на вѣки къ событіямъ, къ жизни. Она усвоиваетъ себѣ романтическую методу, какъ переходный способъ стать въ соприкосновеніе съ источниками всего дѣйствительнаго, живаго — съ природой и исторіей. Отсюда одинъ шагъ къ своей исторіи и къ своей

природѣ. Онъ сдѣланъ. Жуковскій предвозвѣщаетъ Пушкина, Пушкинъ довершаетъ подвигъ Жуковского.

Вотъ заслуги русской литературы во вторую половину нашей исторіи. Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не оцѣнили ихъ по достоинству. Многіе даже не стыдятся говорить, что изученіе ея не стоитъ труда — такъ она бѣдна и незанимательна. Но кромѣ того, что для сердца, любящаго отечество, въ отечествѣ нѣтъ ничего незанимательнаго, мы видимъ здѣсь судъ неправый, произносимый безъ знанія дѣла, безъ справокъ, безъ выслушанія объясненій со стороны обвиняемаго, наконецъ безъ всякаго законнаго основанія. Одна изъ главныхъ причинъ этого предразсудка, вѣроятно, есть эгоистическая склонность искать въ литературѣ только умственнаго наслажденія, а не историческаго значенія нашей мысли, которое умы твердые питаетъ однимъ уже своимъ отношеніемъ къ судьбѣ отечества. Другая причина, тѣсно связанная съ первой, заключается въ привычкѣ сравнивать все Русское съ иноземнымъ и въ томъ эстетическомъ превосходствѣ послѣдняго, какое естественно произтекаетъ изъ подобнаго сравненія. Но не говоря уже о томъ, что сравненіе предметовъ различныхъ категорій напр. возраста юноши съ возрастомъ мужа, логически не вѣрно, мы спросили бы у этихъ людей роскоши, столь легкомысленно взвѣ-

шивающихъ самые важные вопросы общественной и народной жизни: не ужели Россія обязана представлять въ ней тѣже самыя явленія, въ томъ же порядкѣ и по тѣмъ переходнымъ степенямъ, съ тѣми обстоятельствами и оттѣнками, какъ и всѣ другіе народы, которые впрочемъ пользуются отъ нашихъ аристарховъ правомъ идти своимъ особеннымъ путемъ и развиваться изъ собственныхъ началъ? Развѣ наша Литература, какова бы она ни была, не есть фактъ, рожденный историческими судьбами общества и народа и развѣ она меньше по этому заслуживаетъ вниманія и изслѣдованія, чѣмъ всякая другая дѣйствительность природы или исторіи? Литература наша не представляетъ такого богатства содержанія, такого разнообразія и художественности формъ, какъ литературы народовъ, опередившихъ насъ на пути образованности; но она дѣйствовала и дѣйствуетъ, гораздо болѣе чѣмъ многіе думаютъ, на усовершенствованіе и развитіе общества, на образованіе нашихъ нравственныхъ силъ; она возбуждала въ насъ сочувствіе ко всѣмъ интересамъ разума, истины и красоты, отъ которыхъ такъ много зависятъ доблести, честь и слава народа. Если она шла шагомъ не всегда ровнымъ, если она иногда уклонялась отъ прямого пути, или казалась хилою и дремлющею, то развѣ не было и нѣтъ тѣхъ же событій въ

другихъ литературахъ, только въ замѣтнѣйшихъ размѣрахъ? Вещи въ быту человѣческомъ стремятся къ своимъ цѣлямъ не по прямымъ, а по волнистымъ линіямъ — дѣло въ томъ, чтобы онѣ не теряли изъ виду своей цѣли и подвигались впередъ. — По качеству своего происхожденія, можетъ быть, даже, по нашему національному характеру, живая сила литературы болѣе чѣмъ гдѣ либо, должна споспѣшествовать у насъ всѣмъ успѣхамъ образованности.

Наконецъ, если бъ изъ всего содержанія Исторіи нашей Литературы, вы остановились на однихъ явленіяхъ и успѣхахъ языка, вы нашли бы уже предметъ достойный вниманія самаго просвѣщеннаго и изысканій самыхъ ревностныхъ. Мы слышимъ безпрестанно вокругъ себя повторяемое слово народность; она дѣйствительно составляетъ великую идею и потребность времени. Но мыслить и поступать сколько нибудь въ духѣ народности нельзя иначе, какъ изучая источники ея, а изъ нихъ главный и важнѣйшій есть языкъ. Мы учимся отечественному языку у нянюшекъ, не у матерей, которыя говорятъ языкомъ чужеземнымъ, учимся ему у педантовъ-грамматиковъ, наконецъ употребленіемъ и наслышкою доходимъ въ послѣдствіи до того, что можемъ уже не сказать какъ князь въ Тарантасѣ графа Сологуба: «Я душою Русской!»

Всѣ эти случайныя столкновенія съ роднымъ языкомъ, въ замѣнъ тѣснаго знакомства съ его духомъ и красотами, кажутся совершенно достаточными, чтобъ удовлетворить насущнымъ потребностямъ cadaго изъ насъ. О высшихъ потребностяхъ народнаго чувства мы здѣсь хоть и говоримъ, но съ такимъ отсутствіемъ убѣжденія, жара, а болѣе всего слысла, что слова наши похожи болѣе на лицемѣрное чествованіе какого-то обряда, нежели на дѣйствительное выраженіе любви и мысли. Между тѣмъ знанія языка, какимъ довольствуемся мы въ нашей убогой наукѣ, недостаточно, чтобъ написать даже, какъ должно, простую канцелярскую бумагу по службѣ. Но развѣ это одно должно занимать насъ? У насъ есть свой народный складъ мысли, своя логика ума — эта прекрасная, чело-вѣчественная, живая, стройная логика, которой могутъ позавидовать народы, далеко опередившіе насъ на пути образованности. Ее то надобно намъ развивать въ себѣ, обрабатывать какъ основную силу нашей нравственной самобытности, какъ залогъ истинныхъ, существенныхъ а не мнимыхъ успѣховъ мысли, какъ залогъ всего яснаго, точнаго, связнаго, умнаго, начиная отъ изложенія самыхъ выпреннихъ идей до простаго письма къ деревенскому старостѣ о присылкѣ оброка, или до красивиной записочки о милой сердечной

сплетнѣ. Логика эта заключается съ историческомъ ходѣ языка нашего, который въ своемъ постепенномъ образованіи и устройствѣ есть неиное что, какъ русской умъ такъ же въ его естественномъ образованіи и устройствѣ. Не слушайте жалобъ, будто мы имѣемъ мало историческихъ памятниковъ нашего языка : жалобы эти неосновательны. Пусть это будутъ не болѣе, какъ народныя пословицы, пѣсни, избранныя и восходящія до общенародныхъ представленій сказки — въ нихъ вы найдете именно ту силу мысли, которая намъ принадлежитъ по праву рожденія и должна наконецъ сдѣлаться для насъ, такъ сказать, рычагомъ при всякихъ самостоятельныхъ умственныхъ усиліяхъ. Не бойтесь впасть въ простонародіе съ нею; отъ васъ зависитъ повести ее на какія угодно высоты идей: она ко всему способна, вы дадите ей какое угодно примѣненіе, развитіе. Дѣло не въ томъ, что производитъ сила въ сферѣ, изъ коей мы ее изторгаемъ для нашего употребленія, а въ приѣмахъ и способахъ, какими она производитъ, въ результатахъ, какіе мы можемъ изъ нее добыть. Природу изучаютъ въ фактахъ не съ тѣмъ, чтобы повторять ихъ, потому что это невозможно и потому что это было бы безумнымъ передразниваньемъ природы. Знаніемъ ея законовъ мы хотимъ достигать совершенно новыхъ цѣлей и созидать

не то, что ей нужно и прилично, а то, что прилично намъ. — Пусть основательнымъ изученіемъ явленій, возникавшихъ въ жизни нашего духа, изученіемъ этой народной антропологии, произведена будетъ въ насъ только *наклонность* дѣйствовать своезаконно, съ вѣрою въ свои средства, съ энергіей, какая возбуждается сознаниемъ собственныхъ силъ и самостоятельности; — подробности, приложенія, слѣдствія разовьются сами собою, и каковы бы они ни были, ихъ станутъ уважать, потому уже, что въ нихъ не будетъ лжи, лицемеріе и поддѣлки. — Кромѣ поэтическихъ памятниковъ слова, мы имѣемъ еще много другихъ, въ которыхъ выразились идеи о важнѣйшихъ *дѣйствительныхъ* вопросахъ народной жизни — это грамоты, государственные акты, обыкновенно вовсе исключаемые изъ исторіи литературы, хотя въ нихъ богатая стихія нашего языка и слѣды самыхъ замѣчательныхъ умственныхъ операцій. Формы перваго слагались здѣсь не по замысламъ теоріи и искусства, не по произвольной игрѣ фантазіи, но по вопіющимъ великимъ нуждамъ жизни, о которыхъ нельзя было говорить иначе, какъ въ духѣ истинныхъ всенародныхъ инстинктовъ, говорить съ строгою точностію. Каждое слово, каждый оборотъ рѣчи выражали здѣсь самыя вещи, какъ понималъ ихъ умъ и какими сгибами понятій

онъ удерживалъ ихъ въ своемъ сознаніи. Должно восходить къ естественнымъ началамъ, изъ которыхъ развивается языкъ; мы не можемъ изслѣдовать первоначальныхъ способовъ его образованія, потому что они теряются въ колыбели народа. Но мы можемъ вознаградить, до нѣкоторой степени, это лишеніе, изучая тѣ произведенія, въ которыхъ умъ дѣйствовалъ и выражалъ свои мысли единственно по требованію событій, прежде чѣмъ образовались въ немъ какія нибудь теоріи и системы мышленія и слога.

На такіе-то важные предметы указываетъ исторія нашей литературы однимъ только изображеніемъ судьбы языка. Она одна въ состояніи разсѣять заблужденія, облакающія важнѣйшую изъ задачъ нашего образованія. Заблужденія эти велики и изумительны по своей нелѣпости. Одни, напримеръ, ограничиваютъ изученіе языка грамматикою и риторикою. Заплативъ ему по обычаю дань грамматическими формулами, они обращаются тотъ часъ къ Квинтилиану, Баттѣ, Лагарпу, Эшенбургу и пр. и въ ихъ теоріяхъ ищутъ правилъ какъ правильно и хорошо писать по русски. Другіе требуютъ какого то спеціальнаго русскаго языка, бывъ простодушно увѣрены, что для cadaго назначенія въ обществѣ и службѣ есть особый *подвѣдомственный* языкъ и что какъ всякой человѣкъ есть чи-

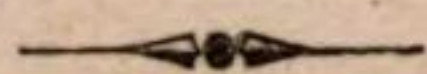
новникъ, а всякій чиновникъ есть лице подвѣдомственное, то и слѣдуетъ знать только этотъ языкъ, а не русскій, котораго вѣдомство слишкомъ уже обширно. «Наши юноши, говорятъ они, приготовляются къ тому, чтобъ сочинять рапорты, докладныя записки и проч.: отпустите же имъ на практикѣ столько языка, сколько нужно, чтобъ хорошо сочинять эти вещи.» Напрасно станете вы ихъ увѣрять, что для этого надобно имъ отпустить весь русской языкъ, что такъ какъ юноши ихъ готовятся быть органами закона, изъяснять многимъ волю правительства, рѣшать, можетъ быть, перомъ своимъ участь гражданъ, то имъ надобно знать языкъ какъ можно глубже и основательнѣе, что языка подвѣдомственнаго нѣтъ, а есть приказныя формулы, которые не суть языкъ, что его надобно искать не въ одной грамматикѣ, не въ безсмысленной практикѣ, не въ какой нибудь канцеляріи, но въ образованномъ обществѣ, въ исторіи и въ твореніяхъ нашихъ лучшихъ писателей, что надобно читать и изучать Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, Крылова, Пушкина и пр. — «Возможно ли! восклицаютъ они — вы хотите сдѣлать нашихъ юношей писателями, хотите научить ихъ литературѣ, поэзіи, да это ужаснѣйшій изъ всѣхъ ужасовъ!» Напрасно будете вы увѣрять ихъ, что писателями нельзя сдѣлаться безъ та-

ланта и призванія и что если бы кто нибудь изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ явился въ числѣ призванныхъ, то за это надобно бы благодарить Бога-покровителя русской образованности, потому что ни кто столько ей не содѣйствуетъ, какъ умные писатели. Напрасно все — вы имѣете дѣло съ спеціалистами, поставляющими спеціализмъ въ отсутствіи человѣческой логики и въ рутинѣ, на которой имъ удалось въ жизни своей поднять нѣсколько удачныхъ случаевъ — въ свою пользу. По этому они неопровержимы.

Мы взываемъ къ исторіи литературы — пусть она, по крайней мѣрѣ, уничтожитъ предрассудки старыхъ школьникоу и предрассудки старыхъ спеціалистовъ, которые не понимаютъ какъ важно знаніе отечественнаго языка для успѣховъ народности, и для развитія въ умахъ обо всемъ ясныхъ, здравыхъ и точныхъ понятій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАЗДѢЛЕНІЕ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПЕРІОДЫ.

Самая ничтожная и самая трудная вещь дѣлать событія историческія на періоды. Съ одной стороны мы не приобретаемъ отъ того ни какого существеннаго знанія точно такъ, какъ неподвигаемся ни на шагъ впередъ, когда изчисляемъ мили и версты на нашей дорогѣ; съ другой, много нужно проницательности и отваги, чтобъ между событіями указать именно на то, которому слѣдуетъ, въ цепи ихъ, приписать честь первенствующаго и новаго звѣна. Жизнь развивается въ такой строгой постепенности, такъ не любитъ скачковъ, отступленій и щегольскихъ эффектовъ, что самое великое на земли не есть ни самое чрезвычайное, ни неожиданное. Изучайте предшествующія обстоятельства и причины, вы увидите, что превозносимые вами эпоха и геній ея творецъ, суть только громкіе провозвѣстники удара, который

совершился уже въ тишинѣ непримѣтно колесами и пружинами, скрытыми въ огромномъ и сложномъ механизмѣ дѣлъ человѣческихъ. И однакожъ классификація происшествій необходима въ Исторіи; періоды ея суть главы великой книги жизни, а эпохи заглавія, свидѣтельствующія, что она не только отличается богатствомъ содержанія, но и строгой логикой. Къ сожалѣнію книга эта писана такимъ языкомъ, который едва ли кому совершенно извѣстенъ.

Въ предыдущей главѣ изложены идеи, указывающія уже на раздѣленіе исторіи русской литературы, какое, повидимому, естественно слѣдуетъ изъ судьбы и хода русской жизни. Тутъ сами собою являются два великіе періода — одинъ періодъ образованія и установленія нашей народности, безъ преемственнаго и послѣдовательнаго развитія нравственныхъ, т. е, умственныхъ и эстетическихъ силъ; отъ основанія Россіи онъ продолжается до Петра Великаго. Отсюда до нашего времени образуется другой періодъ — періодъ нравственнаго развитія народности. Не смотря на очевидность основаній, оправдывающихъ это разграниченіе Исторіи нашей, мы однакожъ должны принять другое, по крайней мѣрѣ, для перваго періода. Вліяніе дикаго и свирѣпаго могущества Татарскаго было столь глубоко и въ то же время

столь враждебно основнымъ стихіямъ русской жизни, что вѣковъ, захваченныхъ имъ, нельзя не представлять себѣ періодомъ отдѣльнымъ, совершенно особеннымъ и по характеру своему и по слѣдствіямъ. Россія до Татаръ была иною, чѣмъ во время и послѣ ихъ до Петра Великаго — и какъ бы намъ ни представлялось здѣсь мало памятниковъ ея умственной жизни, мы не можемъ не видѣть на нихъ печати другаго духа, не видѣть въ нихъ другаго направленія мысли. Вотъ почему первый періодъ Исторіи Русской Литературы долженъ кончиться началомъ Татарскаго владычества, второй эпохою Петра Великаго, а третій нашимъ временемъ.

Періодъ до-Татарскій ознаменованъ самобытною зрѣдительною дѣятельностію, которая вырабатывала основанія нашей народности и стремилась къ образованію государства. Три главные элемента участвуютъ въ этихъ великихъ работахъ: *Славянский, Нормандскій и Византійскій*, первый въ качествѣ господствующей нравственной силы, второй силы политической, третій религіозной и ученой. Стремленіе Сѣвера къ Европѣ, сила Новгорода и Пскова съ ихъ вѣчами, торговлею и богатствами, законодательство Русской Правды, блескъ Владимірова княженія, богатаго мощными недѣлимостями, удалымъ духомъ дружинъ и гармоническимъ сліяніемъ славы князя съ народною, самая борьба удѣловъ

столь осуждаемая и столь до сихъ поръ мало истолкованная — все это дѣйствовало сильно, работало надъ построєніемъ кого-то зданія, которому однакожь суждено было достроиться по другому плану и другими силами. Задача Исторіи Литературы этого періода состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣвъ памятники слова, какіе время, пожары и мечъ не успѣли истребить, извлечь изъ нихъ черты, характеризующія начало самобытнаго настроєнія нашей мысли. Лѣтописи и слово о полку Игоря послужатъ важнѣйшими для этого источниками.

Въ второмъ періодѣ движеніе народной мысли задерживается бѣдствіями татарскаго ига и трудными, тяжелыми работами въ построєніи плотнаго и крѣпкаго государственнаго состава. Это періодъ остановки, замедленія того естественнаго развитія мысли, которое должно было возникнуть изъ коренныхъ началъ народности, образовавшейся въ первомъ періодѣ. Исторіи Литературы предстоитъ здѣсь печальная обязанность изобразить, какое измѣненіе внесъ въ понятія народнаго ума элементъ Татарскій и какими формами выразилось его вліяніе въ произведеніяхъ словесности, особенно въ поэзіи. Съ другой стороны она должна показать присутствіе въ этихъ произведеніяхъ могущественнаго народнаго начала, которое затаило въ самомъ себѣ, но спа-

сло свою чистоту и энергію отъ покушеній варварской враждебной ему силы и которое выдержало съ честію строгое испытаніе судьбы, чтобы тѣмъ съ большимъ блескомъ и, можетъ быть, съ большею самостоятельностью устремиться на ожидавшее его поприще всемірной образованности. Народная лирика представляетъ намъ драгоцѣнные матеріалы для характеристики народнаго духа съ этой стороны.

Періодъ этотъ мы продолжаемъ до Петра Великаго. Насъ могутъ спросить, почему послѣднюю половину XVII вѣка мы сливаемъ съ предшествовавшими временами до-Петровскаго періода, тогда какъ въ этой половинѣ, съ присоединеніемъ Кіева, оказывается новое движеніе въ умахъ и въ нихъ проникаютъ понятія дотолѣ неизвѣстныя? Вопросъ основательный, который мы постараемся теперь же рѣшить. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя въ этомъ промежуткѣ времени не замѣтить какого-то новаго движенія и новыхъ понятій: мы говорили уже о томъ въ предъидущей главѣ. Но произвело ли это какой нибудь переворотъ въ умахъ, возбудило ли, направило ли ихъ къ новой опредѣленной дѣятельности? Выразилось ли это движеніе какими нибудь замѣчательными литературными явленіями? Къ сожалѣнію нѣтъ. Могло бы выразиться — скажутъ намъ — то было только начало. Но что значитъ начало безъ развитія и послѣдствій? Все что на-

чиналось въ послѣднюю половину XVII вѣка, если только начиналось, исчезло, какъ капля въ величественномъ потокѣ наставшихъ преобразованій? Сила совершенно новая, совершенно другой натуры, чѣмъ силы дѣйствовавшія при Алексіѣ, Θεодорѣ и Софіи, овладѣла судьбою событій — и этимъ бѣднымъ болѣзненнымъ чадамъ случая и тревоги, должно было погибнуть едва родясь при первомъ дикомъ крикѣ, отъ одного дыханія идеи Петра, идеи человѣчества. Можно ли изъ этого времени дѣлать особый участокъ исторіи? Мы можемъ смотрѣть на него только, какъ на замѣчательное и поучительное слѣдствіе временъ предъидущихъ. Это были пары скопившіеся въ душевой атмосферѣ, которые надлежало мощному духу планеты разогнать, чтобы они не мѣшали видѣть восходящее великолѣпное солнце.

Третій періодъ отъ Петра Великаго, какъ мы уже сказали, есть періодъ развитія нашей народности, развитія нашихъ нравственныхъ силъ. Господствующее направленіе мысли здѣсь одно — принявъ въ себя новый элементъ Европейскій, движимая силою его, она стремится стать въ соприкосновеніе совсѣми вопросами и задачами, составляющими требованіи разума всеобщаго, человѣческаго и сущность образованія, какое усвоиваютъ себѣ народы въ его духѣ. Событія въ этомъ

небольшомъ пространствѣ времени текутъ такъ быстро одно за другимъ, измѣненія, проистекающія изъ новаго положенія общества и состоянія умовъ такъ часты и такъ непримѣтно сливаются другъ съ другомъ въ естественной ихъ послѣдовательности и неизбежности, что распредѣлять все это по строгой классификаціи эпохъ и періодовъ мы не находимъ ни нужды, ни возможности. При всемъ томъ нельзя однакожъ не видѣть и здѣсь нѣкоторыхъ господствующихъ, первенствующихъ моментовъ въ нашей умственной жизни и Литературѣ. Два участка времени представляются намъ сами собою въ новой нашей исторіи — одинъ до XII, другой послѣ XII года. Характеръ ихъ въ литературномъ отношеніи обозначается направленіемъ *художественно-формалистическимъ* и *художественно-общественнымъ* и *народнымъ*. Въ одномъ Литература спѣшитъ занять тѣ пункты, на которыхъ она обыкновенно укрѣпляется; чтобы средствами разума дѣйствовать на жизнь и общество. Здѣсь мысль, можно сказать, еще внѣ общества; но по натурѣ своей обществолюбивая, она уже мало по малу съ нимъ сближается, стараясь въ особенности овладѣть его языкомъ, этимъ проводникомъ идей и заботясь о красотѣ формы, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій дѣйствія мысли на душу. Ломоносовъ, Карамзинъ суть главные дѣятели въ эту по-

ру, какъ представители высшихъ благороднѣйшихъ требованій разума въ отношеніи къ развитію и обработкѣ мысли и языка; Фонъ-Визинъ, Державинъ и опять Карамзинъ, какъ посредники между ними и обществомъ. Послѣ XII года Литература увлеченная потокомъ чрезвычайныхъ событій, совершаетъ быстро переходъ свой отъ общихъ идей къ обществу и народу, которые съ своей стороны видятъ уже въ ней одну изъ своихъ силъ, представителя и провозвѣстника своихъ умственныхъ нуждъ. Здѣсь уже дѣло идетъ не объ одной обработкѣ формы, но объ мысли, для которой содержаніемъ служатъ природа и исторія человѣчества, природа и исторія свои а отличительный признакъ достоинства произведеній есть — истина, истина въ идеѣ разума, истина въ дѣйствительности человѣческой, истина въ дѣйствительности народной. Главные дѣятели въ этомъ движеніи Литературы суть Жуковский и Пушкинъ.

FÖRDERUNGSWERK
st.nikolaus
BERUFSBILDUNGSWERK
8871 DÜRRLAUINGE #31011#

FÖRDERUNGSWERK
st.nikolaus
BERUFSBILDUNGSWERK
8871 DÜRRLAUINGEN

Nikitenko, Aleksandr Vasil'evič,

Opyt istorii russkoj literatury

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1845

H.lit.p. 630-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10737306-0